

Томас Мьюр

Затянутое Королевство

Приговор Лазаря

Томас Мьюр

**Затянутое королевство:
Приговор Лазаря**

«Автор»

2024

Мьюр Т.

Затянутое королевство: Приговор Лазаря / Т. Мьюр — «Автор»,
2024

Их имена покрыты позором. Их поступки темны в глазах людей. Им нет места у тёплого очага и за пиршественным столом, а честный труд и собственная семья - недостижимая роскошь для них. Они изгнанники - худшие из худших. Дезертир, клятвопреступник, непощенный, иной и еретичка. Боги отвернулись от них, однако благоволение удачи на их стороне. Пятерым, заклеянным алым сигилом изгнания, был дан шанс на искупление - шанс оправдаться в глазах простого народа. Чтобы снять клеймо, они должны совершить четыре великих подвига во имя четырех королевств народа гин. Но сделать это будет нелегко, ибо в гонке исполнения желаний их соперником станет само зло, имя которому Обугленный Пасынок. В его груди горит пламя древней скверны. Оно способно ранить даже тех, кто проклят изгнанием... Оно ищет способ напомнить гордецам о том, кто они есть на самом деле. Прислушайтесь к словам прорицателей. Станьте частью великого путешествия. Или сгорите в своей нерешительности! Выбор за вами.

© Мьюр Т., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Слово Путнику Бездны	5
Глава 1. Обугленный Пасынок	7
Глава 2. Сын Короля	23
Глава 3. Дом Песен	27
Глава 4. Совет	41
Глава 5. Тигиан Янош	47
Глава 6. Голос улиц	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Томас Мьюр

Затянутое королевство: Приговор Лазаря

Слово Путнику Бездны

Если Янну-Корру – это пламень войны, то совращённые им глупцы – это угли сомнения.
Танер Бьёнский – коснувшийся солнца.

Никто не знает, кем были созданы земли Драо. Справедливые боги посетили их после Великого Рождения и расчертили границы дозволенного, кои народы Старых и Новых Гинов чтят по сей день. Нет нужды кичиться богатством или чистотой твоей крови, ибо каждому здесь отведена особая роль. Свобода четырёх королевств зиждется на добродетелях, принесённых высшим богом Солнцеликим Бастионом Ауросом. Он охраняет мир во всём мире, но даже ему не под силу искоренить зло в одиночку. Оно издревле обитает в сердцах людей, толкая их на ужасные поступки. Имя этому злу Янну-Корру – порождение пламени, чудовище способное нести одни только разрушения, мечтающее уничтожить людской порядок и навязать землям Драо неопределённость хаоса.

Ему почти удалось добиться желаемого, однако в час великой нужды, призвав богов на помощь, четыре королевства объединились под общим знаменем и их мольбы были услышаны. Государства получили в своё распоряжение клинок-спаситель Святой Флерсенблад. То был двуручный меч, способный нанести вред чудовищу, выкованный из стали Древних.

В тяжёлом поединке общими усилиями гинам удалось заточить Янну-Корру в пятом Затянута туманом и не принадлежащем ни богам, ни людям королевстве. Там источник зла лишился данной ему власти, угодив в тиски извечного сна.

Но, увы, покой в землях Драо продлился недолго.

Гины принялись спорить, кому из королевств будет принадлежать Флерсенблад. По решению богов избранным было назначен морозный край под названием Тсандер. Однако, монархов трёх других государств это не устраивало. Так, началась затяжная война четырёх гербов – самое кровопролитное противостояние за всю историю Драо. Морозный край был бы обречён на поражение, не вступись за него великий герой.

В 520 году эры новых гинов, заручившись поддержкой короля Тсандера Салливана Айнроуса «Рассудительного», воитель Лавгут Орнийский, родившийся простолюдином, сверг с престола зачинщика конфликта короля Арвольда. Этот человек прославился своей кровавой политикой в отношении собственного народа – жителей лесного края Халлендора. В честном поединке Лавгут обезглавил кровавого тирана, заняв его место на радость простому люду. Так началось время справедливости для всех халлендорцев. Вместе с Салливаном путём множества жертв и потерь, наперекор злему року он одержал победу в Великой Войне, отстоял земли Тсандера и преумножил собственные богатства. Сотни песен были сложены о той славной битве на горе Лон, и тысячи храбрецов отдали свои жизни во имя всеобщего блага. Тогда четыре королевства заключили хрупкий мир.

Каждому досталось по его делам, и монархи разошлись, опустив оружие к земле. В знак бесконечной признательности и абсолютного доверия Лавгут как ныне законный правитель Халлендора получил в награду от Салливана Айнроуса меч Флерсенблад, став его хранителем. В руках Орнийского оружие ждало своего звёздного часа, ибо по преданию пламенный корень зла Янну-Корру, запёртый в пятом Затянута туманом Королевстве, должен был вырваться на свободу и вновь опалить земли Драо, где четыре короля жили в мире.

Именно об этом наша история. О временах щитов и мечей, о кровавых битвах и жутких чудовищах, что принимают человеческий облик без зазрения совести. Прочтите изречения Судьбаносцев и отдайтесь стратуму Затянутого Королевства.

Путешествие начинается в Халлендоре.

Глава 1. Обугленный Пасынок

Следующие события берут своё начало в 530 году эры Новых Гинов.
Первый день пятого месяца.

Не зря Халлендор кличут краем лесов и деревень. Столько зелени не увидишь ни в одном другом королевстве. Там величественные дубы тянутся до самых небес, кусты сахарной ягоды марики растут вдоль поселений землепашцев, а непомерно длинные ивы расстилаются на болотах, где сгнули многие глупцы, давшие свадебную клятву убить халлендорского клыкача.

Карта владений Лавгута сложна и потому интересна. Главными источниками власти монарха там служат три города: Порт Бьён, он же центр торговли, Нинфьяд – «Удел Мужества», и столица королевства Сангерхьем – Дом Песен. Последний часто называют Стенградом, ибо огорожен он высокой стеной белого урдвика – камня могучего, почти неразрушимого, но поддающегося умелому строителю. Никому и никогда не удавалось пробить защиту города. Опасности внешнего мира обходили столицу стороной.

Сотни строк были посвящены дивной природе и славным городам Халлендора, но знаменит он не только ими. Близ горного хребта Эткера, названного в честь слепого кузнеца из Нинфьяда, одна за одной располагались деревни кочевников и землепашцев. Это идеальное место, чтобы найти себе работу, будучи наёмником, не брезгующим даже грязным ремеслом.

Первый герой нашей истории относился как раз к таким.

Одетый в кожаные доспехи, таинственно скрывавший лицо и правую руку под тканевой накидкой с капюшоном, он шёл по дороге меж лавками приставучих торговцев, рассматривая местные дома. Богатеям они вряд ли приглянулись бы, однако оплачиваемое задание можно было получить даже в последней дыре, к роду которых и причислялась деревня. Гулб – маленькая и удивительно привлекательная задница мира, как её называли наёмники, пришлась нашему герою по вкусу. Настоящая романтика: одноэтажные дома, обиталища бронника-новичка под открытым небом и кривые дорожки, продавленные повозками. Их наш таинственный незнакомец приметил у корчмы, где, болтая о своём, землепашцы выгружали мешки с хлебом, готовя транспорт к новому пути.

Стояла тихая весенняя ночь. Мужчина в капюшоне вошёл в корчму и запустил цепочку судьбоносных событий. Пред ним предстала картина типичной пирушки. Громкое застолье набирало обороты.

– Ещё по одной, Малус! – выкрикнул завсегдатай с кружкой эля в руке.

Его поддержала команда чумазных землекопов у стойки корчмаря, покуда в дальнем углу помещения за широким столом сидела дружина вооружённых солдат, скрашивавших меланхолию песней и игрой на лютне. Некоторые из них натужно улыбались, другие, что постарше, обременённые неизвестным горем, утопали в выпивке, опустошая одну кружку за другой.

«Идеальные ребята для поиска работы» – так подумал наш герой.

– Я присяду? – спросил он, расположившись на скамье.

Растерянные солдаты переглянулись, и их главный, с красной повязкой на шее, заговорил:

– Ты уже сидишь. Какой смысл спрашивать? Кто таков? Чего надо?

– Работу ищу. У вас такие кислые рожи, вот я и подумал, что вам нужна помощь.

Голос незнакомца в капюшоне был не из приятных. Низкий и хриплый, он пробирал слушателей насквозь, словно холодный ветер, бушующий на улицах Тсандера круглый год.

– Каков засранец, – обозначил солдат с повязкой. – Зачем лезешь куда не надо? Садись на своё место, дерзишь... Голову что ли устал на плечах носить? Если надо, мы тебя быстро подровняем, дылда.

Эту деталь заметили все присутствующие. Рост широкоплечего, крепкого станом незнакомца воистину впечатлял. Открыв дверь и зайдя внутрь, он низко наклонился, дабы не удариться головой. На такого верзилу не грех и целый отряд натравить.

– Я просто очень наблюдательный. Вы сидите и грустите... Хорошие солдаты редко грустят без повода. В чём дело? Это секрет, или путник имеет право спросить?

– Тлеть¹, какой же ты надоедливый! На войну мы не хотим идти – вот что! Мы только вернулись с битвы у Незмора, а теперь нас всех посылают к Мезосу!

– К Мезосу... – пробубнил паренёк с лютней и шваркнул разок по струнам.

На миг обрывистая мелодия захватила корчму, прежде чем раствориться в криках пьянчуг и девиц не знающих невинности. Они развлекали самых состоятельных гостей, по меркам Гуло.

– Вот это да, – продолжил незванный за столом. – А я думал, бандиты Тулиса уже давно уgomонились. Если хотите, я помогу вам. За деньги, конечно же. Много не возьму.

– Интересное предложение, и самое главное – любовое, – отметил солдат в повязке. – Как тебя зовут, мужик?

– Вал. Просто Вал и ничего более.

– Хм... Короткое имя. Ты из Тсандера? Только там такие раздают и то не часто. Чего же тебя занесло в Халлендор? Так далеко от дома...

– Неважно откуда я. Мой клинок и кинжалы моего напарника к вашим услугам.

– Напарника? – оживился повязка. – А он где? Он невидимка? Или ты прячешь его в подштанниках?

Отряд солдат разразился смехом. Проливая эль, толкая друг друга, они хохотали, чуть не заикаясь от истерики. Только Вал сидел неподвижно и тихо. Он облокотился на стол, подперев подбородок левой рукой, и ждал, пока гогот закончится и каждый посетитель насмеётся, ибо волна веселья прокатилась по всей корчме. Её деревянные стены, обросшие серым мхом, дрожали, покуда парочка любителей крепких напитков металась между столами, голоса во всё горло за спиной кремня Вала.

Спустя минуту наступила долгожданная тишина.

– Вы закончили? Мой напарник из расы ильгала. Он Объявленный Менсис.

– Чего?! – хором прокричали солдаты и позакрывали разинутые рты.

Их лидер с трудом вернулся к нити разговора, тоже облокотившись на стол, дабы не потерять равновесие.

– Так, я не понял... Ты водишься с Менсисом? С грёбаным убийцей-ильгала? Ты ведь понимаешь, что такой воин стоит нас десятерых?! Он уложит бандитов Тулиса одной левой!

– Поэтому и я предложил наши услуги. Мы вам поможем и немного заработаем.

– А почему лицо не показываешь? – вклинился солдат с лютней. – Что за таинственность? Сними капюшон, и тогда потолкуем о деле, как мужчина с мужчиной.

Задетый вопросом, Вал отвернулся в сторону, резко, будто брезгливо.

– Нет... На мне проклятье. Смотреть на меня нельзя, а то подхватите.

– Пипирка не встаёт из-за проклятья? – ляпнул самый молодой из дружины и привлёк к себе всеобщее внимание. – Что?! Это первое, что может напугать мужика!

– Ты ошибся. Проклятье гораздо страшнее, чем вы все можете себе представить. Его суть вам незачем знать. Давайте так поступим... Мой напарник придёт через час. Пока его нет, мы

¹ Тлеть – нецензурное слово. В мире Драо является синонимом слову «Бл#дь»

обсудим детали. Можно разбавить болтовню выпивкой. Я слышал, если взять больше десяти кружек, здешний корчмарь сбавляет цену вдвое.

– Поэтому мы и взяли по две кружки на каждого. Ты угощаешь, Вал?

– Да, угощаю. Подождём моего товарища.

Звон серебра донёс до корчмаря простую мысль: да начнётся разлив дивного эля! Наполнив кружки до краёв, он мигом расставил их, поклонился достопочтенным гостям и удалился восвояси, чтобы не мешать деловому разговору. Вал потратил последние деньги и потому постарался быстро выведать у солдат подробности задания. С каждым глотком они говорили всё охотнее. Наш герой не разбрасывался словами, спрашивал по существу и пил меньше всех. Ему нужно было сохранять ясность ума и одновременно слиться с окружением, а это задача не из лёгких.

Когда минул час, дверь корчмы распахнулась, ударившись об косяк, и посетители свернули шеи, дабы разглядеть шумного наглеца. Порог переступил представитель расы ильгала. Высокий, хоть до грома Вала ему было далеко, и одарённый незаурядной внешностью: лисьими глазами окраса цветущих фиалок, не тронутым битвой прямым носом и лучезарной улыбкой вкупе с ямочками на щеках.

Этот воин стоял неподвижно, высматривая знакомый силуэт среди посетителей.

Так кто же такие эти ильгала? По-простому люди-амфибии. Их гладкая сиреневая кожа, покрытая причудливыми узорами разных форм, знакома каждому гину четырёх королевств, ибо нет у ильгала собственных земель. Они обитают в Халлендоре, Войтшире и Мауторне преимущественно под водой. Поселения амфибий приспособлены к глубинному давлению, что служит им защитой от незваных гостей. Вдобавок, из всех разумных существ Драо только ильгала обладают жабрами. Расположен сей дар богов у них на шее рядом с ключицами.

Эти создания очень похожи на людей, но в отличие от кирианцев, старых и новых гингов у амфибий нет волос. Индивидуальность им придают черты лица, острота ушей, перепонки меж пальцами и плавники на локтях, дарующие народу глубин удивительную скорость передвижения в родной стихии. У некоторых представителей расы плавники выпирают, аки рог чудовища Брогнера², у иных еле отходят от рук, сливаясь с силуэтом.

Напарник Вала относился ко второму типу.

Он нашёл товарища взглядом и непринуждённой походкой направился к нему. Лёгкая кожаная броня цвета холодной стали прилегалась к рельефному торсу ильгала, плотные штаны с кольчужными прокладками защищали ноги, а перчатки из покрова королевского угря красовались на руках.

Вопросы ливнем рухнули на беднягу Вала:

– А он лицо почему не прячет? Его не прокляли? Он не водится с ведьмами?

– Нет, уважаемый, – сказал ильгала, сев рядом с Валом. – Но я бы с превеликим удовольствием посмотрел в глаза ведьме, осмелившейся использовать против меня древнее наречие.

Довольный ответом Вал похлопал компаньона по спине левой рукой, покуда правую по-прежнему скрывала накидка. За вечер она ни разу не сползла с положенного места, и солдаты не ведали, что сокрыто под нею.

– Наконец, ты добрался. Приступим. Солдатам нужна наша помощь в войне против свиной Тулиса. Пока мы тебя ждали, я узнал, сколько они готовы нам отвалить.

– Семь золотых, – гордо проговорил носитель красной повязки. – Каждому.

Оценив предложение, ильгала цокнул языком и указал на заказчика пальцем.

– Бле-е-е-еск. Даже торговаться не нужно. Этих денег нам хватит на дорогу до Сангерхъема. Сэкономим пару дней в пути и увидим празднование Великой победы.

² Чудовище Брогнера – крупное рогатое создание с множеством рогов, обитающее в водах одноимённого моря.

– Ежегодный праздник! – радостно пропел игрок на лютне, пустившись в пляс вместе с инструментом. – Вы в деле? Вал и... Как твоё имя?

– Польдаар Джу...

Не успел человек-амфибия договорить, как напарник пихнул его в бочину под столом. Пихнул весьма осторожно, дабы никто не приметил.

– Просто Польдаар, – улыбнулся он. – Рад знакомству.

– И мы очень рады. Простите за холодный приём в начале. В наше время тяжело доверять незнакомцам, но Вал всё очень хорошо расписал. Если не возражаете, чтобы не было обид, я сейчас всё исправлю игрой на лютне и песней о человеке, который дарит нам любовь и понимание уже долгие десять лет! Кто хочет услышать её?!

Эти слова приковали всеобщее внимание к музыканту, зазывно приподнявшему руку над инструментом. Парнишка сложил губы трубочкой, и тотчас его задорный свист породил мелодию. Каждый уважающий себя житель Халлендора знал этот навязчивый мотив. Гости заведения искренне улыбались, качали головами в такт и постукивали кружками о деревянные столы. Польдаар быстро проникся общим настроением, а вот угрюмый Вал продолжал сопротивляться. Он берёт рабочий фарватер и не хотел, чтобы его нарушило звучание песни. Было в ней нечто удивительное – по-домашнему тёплое, пронизанное уважением и любовью.

Когда музыкант закончил со вступлением, великие строки раззадорили гостей:

О величии твоём мы, Халлендор, поём!
О нашем славном Короле, что каждому знаком!
Он до вершины из низов тернистый путь прошёл,
И избавил от оков одним прекрасным днём!

Раз! Два! Голова полетела с плеч!
Тирана Арвольда сразил победоносный меч!
Лавгут – наше всё! Восхвали его!
С таким чудесным королём мы всё переживём!

Голосистый молодец махом запрыгнул на стол и, крепко держа расписную лютню у своей груди, вызвал выпивох присоединиться к нему во втором куплете. Дважды их просить не пришлось. Подскакив с насиженных мест, расплёскивая эль, они пустились в пляс, покуда слова песни становились всё громче, и сага о подвиге Короля Лавгута оживала на устах простого народа.

Словно первый снег бела из урдвика стена!
До самых до краёв небес она возведена!
Но, как бы ни была крепка, григорам видней!
Под защитой Короля покойней, чем за ней!

Халлендор – край лесов, край высоких стен,
Но григоры не прячутся за ними от проблем!
Лавгут – наше всё! Восхвали его!
С таким отважным королём мы смело в бой пойдём!

К началу третьего куплета даже корчмарь, взяв сковороду, начал чеканить на ней мотив песни. Это забавное и трогательное зрелище сподвигло Польдаара пригласить девушку за соседним столом на танец и вместе с ней позабыть о тяготах будней, в очередной раз окунув Вала в омут безутешности. Здоровяк, как нетрудно догадаться, не разделял всеобщую радость.

Он уткнулся щекой в ладонь и ждал, пока это «непотребство» закончится, приговаривая себе под нос:

– Слава Кузне, что солдатам платят золотом, а не песнями.

Игрок на лютне был готов исполнить третий припев, как вдруг...

С остекленевшим взглядом, трясущимися руками, покрытый испариной и золой, в корчму вошёл землепашец. Он мельком осмотрел окружение и закричал, да так громко, что даже шумы застолья отошли на задний план.

– Чудовища! Чудовища напали на Гуло! Бегите! Спасайтесь!

Вся корчма разом затихла, и десятки глаз вцепились в силуэт принёсшего скверные новости. Бравые солдаты хотели спросить у него, что именно произошло, однако не успели они открыть рты, как обугленный бедняга упал замертво лицом в пол. Снаружи, за его спиной – на соломенных крышах ветхих построек и сухой земле – царствовало пламя. Багровое, точно весенний закат, оно перескакивало с места на место, опаливая бегущих в панике людей и скудные пожитки, что несчастные пытались унести с собой. Из-за песни посетители корчмы не услышали глас паники вовремя.

Впервые сказание о Лавгуте послужило горю.

– К оружию! – воскликнул солдат в красной повязке. – Не мытьём, так катаньем нас заставляют воевать! Братья, не теряйте сопартийцев из виду! Держимся вместе!

Оставшиеся воины поддержали командира громогласным «Да».

– Отличный настрой! Польдаар, Вал, вы с нами?!

– Разумеется, с вами, – ответил храбрый ильгала, оголив два бритвенноострых кинжала, серебряные рукоятки коих переливались на свету. – Мой напарник и я готовы разорвать врагов на куски. Верно, Вал?

Человек-амфибия огляделся вокруг, но компаньона нигде не нашёл. Его место пустовало. Следы грязных сапог вели к выходу – туда, где ужас и смерть пиршествовали плотью невинных жителей деревни Гуло. Это никак не помешало товарищу Польдаара покинуть здание. При размерах весьма нескромных, он скрылся незамеченным.

– Вал нас кинул! Жалкий трус! – закричал солдат-музыкант, бросив лютню на стол.

– Не спешите с выводами, храбрые мужи. Я давно знаю Вала, и если он сейчас не с нами, значит, мой друг в пылу сражения.

Мужчина в капюшоне шёл супротив волнам пепла, что били ему в лицо, перешагивая трупы растерзанных жителей деревни и сторонясь выживших. Огонь был повсюду. Ни одна постройка не убереглась от его пылкого гнева. Люди выбегали на улицу, охваченные багряной стихией, и падали навзничь у поступи отважного Вала. Он не повёл бровью, не испугался и даже не думал сворачивать с намеченного пути. Дорога вела его к длинному дому – в самое сердце Гуло, где больше никто не смог бы устроить добрый пир. Этот мотив скорби царствовал на небесах пеленой чёрного дыма, но молчаливый воин размышлял о другом... Безоружный, он двигался вперёд, покуда деревья, исхудавшие под гнётом пламени, падали на крыши землянок..

«Бедняги не заслужили такого...» – мыслил Вал, сняв капюшон.

К его ногам пал юноша, кой удирал прочь от сил зла. Отхаркивая пепельные останки дорогих сердцу, гонимых ветром родичей, он поднял голову и узрел статного мужа сорока лет отроду – гордого представителя расы новых гинов с типичной для них белой кожей и светлыми глазами.

Лицо этого человека не боялось увечий.

Сосредоточенный, чего уж греха таить, вечно недовольный, Вал хмурил густые чёрные брови и открытой рукой почёсывал бороду, неопрятно подстриженную ножом. Тяжёлый взор его серо-зелёных очей, окаймлённых короткими ресницами, отыскивал врага на горизонте. Рот чуть кривил влево, а шрамированный в бою нос, хоть и сохранил былую мужественность, ныне выделялся лишь розовой полосой, оставленной когтём Талинцевского Щитомордника³.

Увидев своего спасителя, мальчишка поразился его противоречивой красоте и мигом разгадал тайну личности: здоровяк Вал носил на левой щеке выжженную волшбой⁴ метку изгнанника. «Дисзо», что на языке старых гинов значит «Дезертир». Метка сияла ярким багрянцем в назидание всем и каждому. Шапка чёрных волос, к сожалению, не могла скрыть это постыдное клеймо, ибо доставала лишь до бровей.

– Равус Вал’Гавсми! – громко проговорил юноша. – Избранный Кузней в нашей деревне! Широкоплечий воитель отвлёкся от игравшего вдали пламени и рассмотрел парня.

– Знаешь моё настоящее имя? Тлеть... Я уже устал придумывать ему замены. Поздравляю, ты источник моих новых проблем, потому что ты отнял у меня Вала.

– Я не хотел, о благороднейший! Я никому не скажу! Для меня вы настоящий герой, а не Дезертир, как все говорят! Я чту ваши подвиги и не смею сомневаться в доблести! Умоляю вас, не держите зла на жалкого червяка!

Удивлённый добрыми словами, Вал’Гавсми помог юнцу подняться на ноги, кивнул ему и указал в сторону корчмы, где солдаты могли оказать необходимую помощь. Враг до сих пор не явил себя, и Равус понятия не имел, с кем предстоит сражаться, от того возникший у него за спиной Польдаар пришёлся кстати.

– Вал, что ты тут...

– Возьми с собой пацана, – перебил Избранный Кузней, толкнув почтенца в объятия иль-гала. – Он знает, кто я на самом деле, но обещал, что не проболтается. Отведи его к солдатам. Седлайте коней и валите прочь отсюда. Я догоню, как только разберусь в чём дело.

Не дожидаясь ответа напарника, Вал’Гавсми шагнул в противоположном от него направлении и приготовился к худшему, однако Польдаар не сдался так просто.

– Равус! – выкрикнул тот, схватив его за руку. – Опять ты лезешь в бой один! Я устал за тебя молиться! Мы ведь даже не знаем, кто наш враг! Тут полно мирных жителей, и вместо бессмысленной драки нужно сперва помочь им!

– Вот поэтому я тебя и гоню взащей! Хватит тупить и тратить моё время, Польдаар Джуно! У меня впереди поединок с неизвестной хренью, а у тебя – спасение землепашцев! Если вытацишь их жопы раньше, чем я вернусь, милости прошу! Присоединяйся к драке с чем бы ни было! Но пока хоть один беззащитный засранец есть на территории Гуло, чтобы пятки сверкали, понял?!

– Понял. Дальше спорить не стану. Да будут Кузня и иные Боги на твоей стороне.

В ответ Вал’Гавсми лишь ухмыльнулся.

– Мне их помощь не нужна.

Наблюдая за удаляющимся силуэтом друга, Польдаар Джуно с трудом сдерживал вихрь, что бушевал у него в груди. Столько огня он никогда прежде не видел. Даже битва под Мезосом во времена Войны Четырёх Королевств не могла похвастаться подобным. Пламень буквально пожирал небеса. Красный, как кровь, он обретал человеческие очертания и обхватывал деревья, надламывая их и перескакивая на крыши домов. Без посторонней помощи у жителей деревни не было ни шанса на спасение, ибо своей яростью нечто незримое, но великое опаляло земли, противные ему по неизвестной причине.

³ Талинцевский Щитомордник – могучий зверь, похожий на ящера. В холке достигает до полутора метра в высоту и славится своей агрессивностью. Его кожа невероятно прочна.

⁴ Магия на языке старых гинов.

И Равус хотел узнать, что это за причина.

Пока человек-амфибия вместе с солдатами выполнял долг чести, он шёл по зову доблести вглубь поселения, где враги уничтожали дарованные богами жизни. Одетые в обгоревшие, собранные невпопад доспехи, из-под которых торчали кости, с оружием, изъеденным ржавчиной, ни живы ни мертвы они собирали урожай душ. Их тела окаймлял гневливый огонь, а ссохшиеся лица выражали одну лишь злобу, похуже, чем у бешеного зверя. Мало человеческого в них осталось...

– Браан-ву... – проговорил Равус. – Ненавижу Браан-ву.

Слог презрения привлёк чудовищ. Изломленными движениями, будто их телами управлял кукольных дел мастер, они извлекли своё оружие из тисков землепашеской плоти и готовились к свежеванию новой жертвы.

– Заметили меня? Отлично! Нападайте, выродки, я вас не боюсь.

Без тени сомнения Браан-ву кинулись навстречу Вал'Гавсми. Тот склонил голову, закрыл глаза и, не двигаясь с места, объятый смирением, начал считать их шаги. Чудовищ было пятеро. Бой предстоял нечестный, ибо для Избранного Кузней пять голов – это слишком мало.

Подгадав верный момент, он сорвал накидку со своей правой руки. От кончиков пальцев до самой ключицы её покрывала гибкая сталь, украшенная узором застывшего во времени костного праха. Равус сделал шаг назад, дабы избежать удара ржавой сабли, и тотчас из пустоты в его стальной хватке возник двуручный меч. Ни один воин не справился бы с таким. Длинный, больше полутора метров, усеянный мелкими шипами, как у фламберга, непомерно широкий, словно два прямых меча слили в один, этот чёрный клинок с янтарным свечением разрубил первого Браан-ву пополам.

Грамотный фехтовальщик, углядев впечатляющие размеры оружия Равуса, сказал бы, что воевать подобным невозможно. Поднять его непомерно тяжело, а взмахнуть и подавно. Угоди горе-воин в узкое помещение с полутораметровой махиной наголо, считай пиши пропало – и единожды атаковать не сумеет. Все эти доводы становились пылью, когда меч пребывал во власти своего истинного господина. Избранный Кузней так легко управлялся с ним, что, казалось, гротескный кусок металла ничего не весит. Это произведение искусства носило громкое прозвище «Таår-Итир», он же «Пожиратель Слёз».

Даже битва с выротками пламени для такого оружия не была испытанием.

Прокатившись под размашистыми ударами двух Браан-ву, его хозяин играючи обезглавил их и пронзил живот третьего монстра, подняв того высоко над землёй. Когда ряды неприятелей пополнили ещё пять чудовищ, Равус точно знал, что должен сделать. Он выпустил весь накопившийся гнев, и зеницы его загорелись огнём янтара. Прозванный народом дезертир разделил свой клинок надвое, разорвав пронзённое им тело Браан-ву в клочья, и засим орудовал двумя одноручными мечами.

Лавируя меж вражескими ударами, Вал'Гавсми наносил собственные. Битва давалась ему легко, словно резвый танец у костра пред новолунием. Один взмах, два – и пара выроdkов отправилась на тот свет. Парные клинки вращались по собственной оси с бешеной скоростью и, рассекая тела жертв, держались в ладонях Равуса вопреки силе притяжения. Некая волшебба наполнила их металл – иного объяснения попросту нет.

За всё время боя на землю не упало ни одной капли крови. Руки, ноги и головы... Ошмётки чудовищ летели в разные стороны, но следовали за ними лишь искры. В жилах Браан-ву струился огонь, который Пожиратель Слёз сдувал порывами ветра от каждого удара. И вот враги на пути к воинской цели сгинули, а тех, кто по глупости подобрался с тыла, ждал неприятный сюрприз... Вал'Гавсми соединил парные лезвия и лёгким движением опустил меч в землю по рукоять. Ступив рядом с ней, чудовища не догадались, что угодили в ловушку – Равус крепко сжал свой стальной кулак и призвал поле янтарных шипов вокруг Таår-Итира. Испепе-

лив Браан-ву, они зарылись в почву, а рука Избранного Кузней вновь сжала Пожиратель Слёз, что возник в ней через секунду.

Равус даже не обернулся.

Между тем, Польдаар и его наниматели из отряда Рейме Красного (так звали солдата с повязкой) продвигались к северной границе деревни. Увозя выживших, они и подумать не могли, что наткнутся на настоящее порождение Янну-Корру. Закованный в тяжёлый доспех высокий огненный монстр преградил ворота двуручным мечом и ждал, пока хоть кто-нибудь осмелится бросить ему вызов. Рогатый шлем на его голове явно принадлежал глашатаю тсандерского отряда Монолитников⁵, стало быть, сей выродок прибыл из далёких земель короля Салливана Рассудительного.

Джуно оставил скакуна, дабы решить общую проблему.

– Ты куда собрался?! – закричал Рейме. – Это же настоящий Браан-ву! Огненное чудище из мифов про Янну-Корру! Ты книжки не читал?! Он тебя убьёт в два счёта!

– Такой бандурой он не найдёт даже вшей в заднице великана.

Голос храброго ильгала напоминал прилив океанических вод – такой же неотвратимый.

– Он охраняет ворота и не двигается с места. Как убью его, мы поедем дальше.

– Ты, конечно, Менсис, но откуда уверенность в победе? Вдруг где-то поджидают ещё монстры? Вокруг много деревьев, и огонь до них пока не добрался. Браан-ву могут прятаться в листве, ты не думал об этом?!

Такую глупость Джуно не мог стерпеть. Остановившись на полпути, он ухватился за лоб ладонью и демонстративно покачал головой, ибо логика солдата опаршивела в самом своём корне.

– И как вы умудрились выжить в бою против головорезов Тулиса? – подумал ильгала вслух. – Деревья от того и целы, что здесь нет врагов, олухи! Будь здесь Браан-ву, они бы сгорели дотла! Наш противник один и я с ним разберусь!

Польдаар подошёл на допустимое расстояние.

Ещё полметра, и меч чудовища попадал в зону его досягаемости. Незакалённому бойцу такой форы было бы недостаточно, а умельцу, искушённому риском, вполне хватало. Человек-амфибия улыбнулся, поманил врага к себе рукой и, едва завидев движение корпуса, придающего скорости тяжёлому лезвию, уклонился от удара, сделав всего один шаг назад. Меч стража ворот с треском врезался в камень, и, прежде чем осознание пришло к нему, Польдаар совершил молниеносный рывок, перерезав богопротивное горло своими кинжалами. Никто даже моргнуть не успел. Всем показалось, что напарник Равуса исчез и появился вновь.

– Как ты это сделал?! – закричал Рейме.

– Это просто навык. Сила и скорость вкупе с координацией. Ну и полным отсутствием мозгов у этого поганца. Что я могу сказать? Мы довели выживших до ворот, достопочтенные мужи! Сопроводите их к холму, а я пока пойду искать Вала. Я не могу оставить его здесь. Когда найду друга в добром здравии, мы встретимся у холма Траона.

Рейме спешил, дабы позвать руку новообретённому товарищу.

– Честь стоять с тобой в одном ряду. Мы не будем терять время и пока пошлём гонца в Сангерхьем. На рассвете отправимся туда, а бандиты Тулиса пускай подождут. Если увидишь Вала, передай, что нам жаль.

– Жаль? С чего это?

⁵ Монолитник – тяжёлый воин королевства Тсандера. Вооружён секирой или двуручным мечом.

– Мы сомневались в нём, называли трусом. Это неправильно. Если вы оба справитесь с напастью и вернётесь, мы всегда будем рады видеть вас в нашем отряде. Ты уверен, что тебе не нужна подмога?

Джуно кивнул.

– Да. Одному надёжнее. Так меня, скорее всего, не заметят.

Полные уважения друг к другу, они расстались на время. Солдаты направились к холму Траона, взяв под защиту жителей Гуло, а бесстрашный ильгала направился выручать друга, бросившего вызов первородному злу. Польдаар не взял с собой подкрепление, потому как его верной помощницей была редкая тень. Она сохранила крупницы сил в борьбе против всепоглощающего огня, который Равус сдерживал в одиночку.

Прикончив очередного выродка, он понял, что сбился со счёта. Пожиратель Слез в его левой руке насыщался битвой, покуда правая служила щитом. Ею Равус перехватывал вражеские удары, отбивал стрелы и пробивал доспехи. Поистине, невероятная мощь таилась внутри стального кулака. Такой мог бы позавидовать сам Лавгут, в молодые годы единолично бросавший вызов землям Войтшира.

С каждым новым ударом Избранный Кузней приумножал свою ярость. Он прорвался в самое сердце поселения и, увидев разрушенный длинный дом, не поверил глазам: пламя поднималось до небес, опоясывало луну и сливалось с ней в огненный шар, багровым светом озарявшим поле брани. Под покровительством родной стихии Браан-ву становились сильнее. Пропитанные жаром, они накинулись на Равуса, чтобы вновь накормить Таår-Итйр. Меч сокрушил четвёрку тварей одним ударом и помог хозяину подобраться к эпицентру горения чуть ближе.

Вал’Гавсми увидел его – виновника всех бед деревни Гуло.

Высокий, на две головы выше двухметрового Равуса; грозный – огонь рядом с ним превращался в послушного зверя; источающий ауру ужаса Чёрный Рыцарь. Всё его тело покрывал шипованный стальной доспех, окаймлённый тонким слоем магмы. Стекая вниз по округлому нагруднику, она соединялась с кончиками острых пальцев чудовища на лету – не могла припасть к земле, ибо оно управляло стихией, призывая крупницы жара к рукам.

Равус удивился подобной способности, но отвлекаться ему было нельзя. Он искал слабое место оппонента, рассматривая его.

Спину Рыцаря закрывал внушительный плащ, сотканный крупной чешуёй ящера из Гинлана⁶, а голову защищал шлем, увенчанный кривыми рогами. Опускаясь к подбородку параллельно забралу, откуда били потоки гари, они стремились вперёд, точно бивни. Лик чудовища нельзя было разглядеть из-за шлема, но его красные глаза передавали полное отсутствие эмоций.

– Ты, наверное, главный, – проговорил Избранный Кузней. – Ну и видон у тебя. Слишком пафосный для монстра. Что тебе нужно в этой жалкой деревушке? Это жопа Халлендора – тут веками ничего не происходит. Неужто ты решил встряхнуть жизнь местных?

Чёрный Рыцарь ничего не ответил. Встав с Вал’Гавсми на одну линию, он окинул взглядом длинный дом, кой, окончательно сдавшись огню, развалился на составляющие и стал пепелищем – фоном для предстоящей дуэли.

– Видимо, говорить не умеешь. Так даже лучше. Ты не сможешь меня разболтать. Хер ли яйца мять?! Нападай уже, ты, ничтожный...

⁶ Могучее создание из одноимённых земель в королевстве Мауторн. Говорят, что его шкуру тяжело пробить даже клинком Спасителя, кой способен сразить Янну-Корру.

– Не так григор должен разговаривать со страшим братом, – молвил недруг.

И очи Равуса остекленели. Утратив боевую спесь, он попятился назад.

– Локселлус? Так, подождите... Неужели это ты?

– Попрошу... Локселлус Обугленный Пасынок отныне.

Вдруг Рыцарь призвал огненный меч, не уступавший по размерам Таар-Итиру, и в одном вертикальном ударе обрушил всю мощь стихии на оторопевшего Равуса, заставив его защищаться. Как только клинки соприкоснулись, волна омерзительного лязга прошла деревню Гуло насквозь. Она долетела до её границ и вернулась обратно, усилив влияние пламени, заставив его расчертить круговую арену битвы воинов, равных в мастерстве владения оружием.

Вал'Гавсми пытался перейти в открытое наступление, однако мысли о личности разорителя не давали ему покоя.

– Я думал, ты давно погиб! Мне пришлось стоять у пустой могилы и мириться с тем, что я никогда не предам тебя священной земле! Что произошло?! Где ты был всё это время?! Говори со мной, быть богам впроголодь⁷!

– А станут ли слова для тебя истиной? – спросил Локселлус, продолжая изматывать Равуса цепочкой атак. – Сомневаюсь...

– Ты Вал'Гавсми! Немедленно приходи в себя!

Таар-Итир и огненный меч упирались друг в друга, а Избранный Кузней и Обугленный Пасынок не желали уступать. Вот они: два воителя, каждый стоял на своём, не согласный сдаваться или делать хотя бы один шаг назад. Воля против пламени, решимость против ярости. В итоге Локселлус взял верх над соперником и, оттолкнув того свободной левой рукой, выбил Пожиратель Слёз из стальной хватки. Меч пал на землю, а Равуса отбросило к конюшне напротив длинного дома. К тому, что от неё осталось...

На долю секунды тьма поглотила взор дезертира. Стенания костей напомнили ему, что человек слаб по своей природе. Вал'Гавсми инстинктивно выставил правую длань пред собой, дабы призвать верный клинок, но тот, увы, не откликнулся. Пожирателю Слёз мешало препятствие – поножи Чёрного Рыцаря. Сам того не ведая, он наступил на меч, кой, дрожа и противясь, рвался к владельцу. Слишком крепка была пята монстра, и даже металл, способный пропускать пространство, не мог одолеть её.

Тяжко вздохнув, воители переглянулись.

– И что теперь? – спросил Равус.

Его брат Локселлус уже почти победил, однако в последний момент убрал ногу с Таар-Итира и позволил честному бою продолжиться. Так, не веря глазам своим, Избранный Кузней поднялся с земли и снова попытался заговорить с братом:

– Значит, ты всё-таки помнишь, кто ты? Ты Вал'Гавсми! Ты моя семья!

– Я больше не принадлежу жалкому роду твоему, – отозвался спокойный Рыцарь. – Пламя Янну-Корру ведёт меня, и скоро Четыре Королевства падут одно за другим. Здесь я не нашёл, что ищу, и единственный, кто сейчас стоит на пути моём, – это ты, Равус. Не стану я просить уйти с дороги, ибо не послушаешь ты... Тебя можно урезонить лишь силой.

Локселлус набросился на того, кто некогда разделял с ним кровное причастие. Обхватив огненный меч обеими руками, он нанёс серию размашистых ударов, кои Равус мастерски отразил. Братья бились яростно, смотря друг другу в глаза. Не было нужды отслеживать выпады. Верные военному ремеслу длани делали работу сами собой. Непримиримые соперники обошли арену кругом и наконец один из них выдохся.

Избранный Кузней пал на одно колено. Закрывшись Пожирателем Слёз, он принял тяжесть атак Локселлуса. Чёрный Рыцарь бил что есть мочи в попытке пробить оборону, и,

⁷ Быть Богам впроголодь – распространённое выражение. Дословно значит – «Чтобы боги голодали». Эквивалент «Черт поберёт» в мире Драо.

когда хватка Вал'Гавсми младшего не выдержала, он обронил меч, закрывшись стальной рукой. Равус справился с одним ударом, однако второй готовился принять челом.

– Вот и всё... – молвил старший.

Утратив блеск янтаря глаза Избранного Кузней отразили силуэт смерти. Пламенный меч предводителя Браан-ву был готов без доли сожаления обезглавить его, но, едва коснувшись кончиков волос жертвы, остановился, зависнув в воздухе.

Равус думал, что он уже мёртв и восседает в чертогах богов, но, к счастью, это было не так.

– Я жив? – бросил Вал'Гавсми младший.

Локселлус даже не смотрел на него. Внимание Рыцаря приковал таинственный муж в тёмно-зелёных одеждах, стоявший перед ним. Лик незнакомца скрывал шарф, из-за которого были видны только глаза, а в руках он держал прямой меч, направленный на Обугленного Пасынка. Над полем брани нависла молчаливая пауза, обрамлённая абсолютной неподвижностью трёх воинов.

Избранный Кузней прервал её:

– Ты кто такой? Ты пришёл помочь ему или мне?

– Сегодня я ваш лучший друг! – ответил решительный незнакомец. – Я не дам монстру исполнить задуманное!

Сделав всего один шаг, он заставил Локселлуса отступить. Чёрный Рыцарь исчез, объятый огненным вихрем, и оставил после себя лишь горестные воспоминания. Вслед за ним пропали и все признаки бесчинствовавшего пламени. Деревня погасла, а обращённые в прах землепашцы отдались в надёжные руки ветров.

К концу боя подоспел Польдаар. За миг до исчезновения Обугленного Пасынка он успел разглядеть его издалека.

– Кого я только что увидел?! – спросил человек-амфибия, достав кинжалы.

Ему ответил незнакомец в шарфе.

– Нет нужды пускать оружие в ход, достопочтенный Польдаар Джуно. Этот Чёрный Рыцарь исчез, а я не враг тебе и твоему другу Равусу Вал'Гавсми.

– Ты знаешь наши имена?

– Я слышан о подвигах двух великих воинов, и мне очень приятно познакомиться с вами лично.

– Не взаимно, – пробурчал Равус.

Он отряхнулся от пыли и встал на ноги.

– Кто ты такой? Почему прячешь лицо и помогаешь нам?

– Полно! – вклинился Польдаар. – Не тебе его осуждать за тайну личности. Ты сам проходил в капюшоне полторы недели, не снимая его ни на час.

Уложенный на лопатки одним достойным аргументом, Вал'Гавсми лишь рыкнул, облокотившись на Таа́р-Ити́р, воткнутый в землю.

– Я прячу лицо из-за особых обстоятельств, – продолжил незнакомец. – Но если его нельзя показывать, то простите, боги, где же мои манеры? Я совсем забыл представиться. Меня зовут Уэйн, и ведёт меня зов несовершенного подвига.

– А нас ведёт зов пустых желудков и уставшие лошади, – огрызнулся Равус. – Пусть их и кормят лучше, чем нас, но даже они обалдевают от вечной дороги.

– Друг мой, ну разве так говорят со спасителем?

– Да, Польдаар Джуно, на моём языке именно так. У меня нет ни желания, ни настроения обмениваться комплиментами и благодарностями. Я только что дрался с родным братом, которого не видел восемь лет!

Тотчас Польдаар ошолбенел от услышанного. Его глаза округлились, а руки пали по швам, крепко держа кинжалы.

– Дрался с родным братом? А он у тебя был? Почему ты не рассказывал мне раньше?!

– Потому что мы знакомы всего год, вот почему! Для меня этого слишком мало, чтобы я выкладывал тебе всю свою подноготную. Поздравляю! Теперь ты знаешь! И ты тоже... Уэйн... Вот моя благодарность за то, что спас мою задницу.

– Это большая честь, – сказал тот, поклонившись. – Боюсь, твой брат стал вместилищем пламени Янну-Корру, и теперь, когда легендарное чудовище вернулось к жизни, наши земли в большой опасности. Если моё мнение хоть что-то значит, предлагаю отправляться в Сангерхьем. Нужно сообщить новости королю Лавгуту. Я уверен, он что-нибудь придумает. Вполне возможно, даже вступит в сражение с верховным Браан-ву!

– Его даже в соседнюю деревню не отпустят, – бросил ВалГавсми.

– Это почему же? Я не здешний и не понимаю, как работает политика Халлендора. Объясните мне, пожалуйста.

Отмахнувшись от просьбы, Равус водрузил Таår-Итйр на плечо и направился к северным воротам, дабы покинуть деревню Гуло. Польдаар пошёл следом вместе с новым знакомым и решил грамотно истолковать ему положение вещей.

– Чтобы ты понимал, Уэйн, Лавгут нагружен государственными проблемами. Он погряз во внутренней политике и параллельно борется с бандитами Тулиса, которые уже порядком обнаглели. Поэтому мы и прибыли в Гуло. Равус и я точно знали, что тут будет околачиваться отряд солдат. Мы сыграли спектакль, мол, мы простые наёмники и хотим заработать на заварушке с Тулисом, а по итогу всё наше предприятие накрылось. Браан-ву сожгли деревушку, и Лавгут теперь застрянет в полной зад... Извини меня.

– В полной заднице, я тебя понял, – дополнил Уэйн. – То бишь загвоздка в том, что отныне на плечах властителя две проблемы. Он должен разобраться с Тулисом и победить порождения Янну-Корру. Это достойный подвиг! Я уже слышу песни бардов!

– Песни? Пфф... – Равус громко оповестил, что слушает диалог. – Я смотрю, вы за пять минут стали настоящими друзьями! Можете даже в один сортир парочкой ходить! И раз уж вы тут обсуждаете всякое, дайте и мне тогда закинуть малость бронзовиков.

– Милости просим.

– Даже хором отвечаете! Мать его гнать⁸... Я хотел сказать, что подвиги перво-наперво дают деньги, которые помогают заполнить желудок едой. Для меня это главное, а не какие-то там песенки. Доблестный воин – это воин при деньгах. С ними он сытый и довольный.

– Интересная точка зрения, Равус ВалГавсми, – проговорил Уэйн. – Но для меня всё иначе. Доблесть воина меряют не златом иль серебром, а ладностью песен, сложенных о нём. Поэтому я и спешу в Сангерхьем. Я совершу великий подвиг!

– Удачи, пацан...

Ворчун ускорил шаг, оставив компаньонов позади. Он накинул капюшон, дабы солдаты Рейме его вдруг не узнали, и скрыл Пожиратель Слез в небытие. Клинок растворился, аки капли крови на берегу, омытые волнами рек города Мезос.

Теперь, оставшись наедине, Уэйн и Польдаар могли всласть наговориться. До ворот было десять минут пути, и парочка достойных тем нарисовалась на горизонте.

– Он всегда такой вредный?

– О-о-о! Да! Мне понадобилось полгода, чтобы привыкнуть. Равус всегда хмурый и недовольный. Брюжит себе под нос, всех во всём обвиняет и почти никому не доверяет... В общем, славный малый, если ты понимаешь, о чём я.

Джуно в шутку пихнул локтем идущего по левую руку собеседника.

– И это не сарказм! Он прирождённый воин и всегда придёт на помощь тому, кого считает другом! Правда... Я не совсем уверен, что я его друг. Он меня так никогда не называл, а значит,

⁸ Мать его гнать – на сленге Драо это Ё№ вашу мать.

есть повод переживать. Чего уж там, из него заслуженную благодарность вытянуть – это целое дело.

– Я заметил...

– Когда наступит момент, я выдавлю из него признание. И кста-а-а-ти! – протянул ильгала. – А почему Чёрный Рыцарь струхнул, когда увидел тебя? Это было странно, если не сказать больше.

– Даже не знаю...

Уэйн пожал плечами и призадумался.

– Я перебил целую кучу Браан-ву на востоке деревни и услышал звуки чужой битвы. Конечно же, я рванул туда на полной скорости, увидел Равуса и захотел помочь. Тот жуткий Рыцарь просто посмотрел на меня, а потом исчез. Наверное, он подумал, что сразу с двумя противниками ему не справиться.

– Стало быть, ты достойный компаньон, если отпугиваешь чудовищ. Мы всё равно собирались в Сангерхъем, и я очень рад, что мы тебя подцепили. Втроём нам будет гораздо проще. И раз уж мы в одной лодке, Уэйн, скажи мне, откуда ты про нас знаешь?

– Лицо Равуса не узнать невозможно, ведь он очень известная личность. А ещё он носит метку изгнанника-дезертира. Сложив два и два, я догадался, кто передо мной. Это высокий муж со шрамом на щеке и со стальной рукой, которая призывает двуручный меч, разделяющийся на два одноручных. Кого ещё можно встретить? Кто подойдёт под это описание? Мне кажется, никто. Поэтому Равус и носит накидку с капюшоном. Так ему гораздо легче спрятать собственное я.

– Ладно, убедил. А как ты меня узнал? Для новых и старых гинов все ильгала на одно лицо, пусть я и уродился красавцем.

– Мне проболтался один выпивоха из корчмы на перепутье. Он сказал, ты обыграл его в анкор⁹ и оставил с пустыми карманами.

Поняв, о ком идёт речь, Польдаар улыбнулся во весь рот.

– Вот засранец... Будет время, наведаюсь к нему и научу держать язык за зубами. Ты молодец, что всё разузнал, но в отличии от Равуса мне не нужно прятаться от гинов. Моя метка только для ильгала.

– Ты тоже изгнанник?! – удивился Уэйн.

– Не для твоего народа. У гинов и кирианцев клейма клятвопреступника не существует, однако у народа глубин это страшный грех.

Джуно одним ловким движением снял перчатку с правой руки. На тыльной стороне ладони сияла метка изгнанника «Гаот», что на языке ильгала значило «клятвопреступник».

– И какую же клятву ты нарушил?! – спросил Уэйн. – Это как-то связано с Равусом?

– Нет и ещё раз нет. Наш ворчун Равус – просто дезертир. Он отказался участвовать в войне Четырёх Королевств. Я, признаться, не до конца знаю его историю... Некоторые говорят, что он трус, другие уверяют, что это неправда, и у него была веская причина покинуть поле брани при Мезосе. У всех есть аргументы, но ни у кого нет доказательств.

– А сам ты как думаешь?

– Хм... – Джуно взялся за подбородок. – Логика мне подсказывает, что такой здоровенный дуб, как Равус, вряд ли стал бы бежать. Ты только посмотри на него! Два метра и ещё пол головы! Великан! Только какой-нибудь ма́гний будет выше Равуса! Иногда мне кажется, что нет никакого смысла в его накидке... Его и так по росту узнают, просто не хотят наживать себе проблемы. Хотя... Солдаты Рейме его не узнали.

⁹ Анкор – карточная игра, в которой необходимо «нагрузить» соперника лишними картами – повесить на него неподъёмный якорь, а самому остаться без карт. В этой игре отсутствуют масти как таковые, решает только сила карты и разновидности карт отрядов, такие как Властитель, Вельможа, Купец, Куртизанка, Григор и т.д.

- Может быть, везение, а, может, божий промысел.
- Кстати, о божьем промысле...

Джуно вытащил из подсумка аккуратно сложенную фиолетовую накидку из тончайшего шёлка.

– Полагаю, тебя не смутит её окрас и тот факт, что она краденая. Ты спас моего друга, Уэйн, и это единственное, чем я могу тебе отплатить. Возьми накидку в качестве подарка. Можешь снять свой шарф.

– Спасибо, Польдаар, мне очень приятно. Это прекрасный дар, но, если не возражаешь, я надену его, когда останусь наедине с собой и только поверх шарфа. Я намерен сохранять инкогнито до прибытия в Дом Песен.

– Почему именно дотуда?

– Хочу заявить о себе прямо перед Королём Лавгутом. В Сангерхъеме начнётся мой великий подвиг, который я поклялся совершить.

Более объяснений не требовалось. Три героя добрались до северных врат деревни и, воссоединившись с солдатами Рейме у холма Траона, поведали им свою историю. Без подробностей о родстве Равуса и Локселлуса, но максимально красочно, дабы никто не остался равнодушным. Общим голосованием было принято решение немедленно седлать коней и скакать в Сангерхъем. Долг взывал к войнам, кои несли весть о пробуждении древнего зла.

По преданию, убить Янну-Корру мог лишь Пламень, способный проливать слёзы – единственный в своём роде его брат Граате-Корру. К несчастью, тот стал жертвой заговора огненного народа Браан-ву и пал от руки чудовища, связанного с ним узами крови. Янну-Корру обманул брата, заманив в ловушку, и лишил его жизни. Чтобы ни у кого не было шанса воскресить павшего, он разделил Плачущее Пламя на четыре фрагмента и позаботился об их сохранности. Единственный найденный фрагмент находился в распоряжении короля Лавгута Орнийского – меч Флерсенблад таил в себе кровь пламени. Пусть он и не мог убить Янну-Корру, но точно был способен запереть властителя Браан-ву на несколько сотен лет в чертогах Затянутого Королевства – места, где жизни людей ничего не значат.

Оставалось три фрагмента и очень мало времени.

Равус не знал, почему воплощение воли зла Локселлус наведася в деревню Гуло и куда Обугленный Пасынок направился дальше. Избранный Кузней предпочитал не изводить себя домыслами, однако чётко понимал главное: гонка между жизнью и смертью, между богами и Браан-ву, между добром и злом началась. Победителю доставалось всё, а проигравшему – ничего.

Так скорее же в Сангерхъем.

В Дом Песен и высоких стен.

Изображение 1: Браан-ву в деревне Гуло

Предание первое: огонь

Мы помним пламя его – жар тысяч порочных душ, изувеченных грехом, страшнее коего не видел белый свет. Мы помним дыхание его – миазмы, порождённые внутренним страданием – завистью к брату, что способен проронить слёзы. Он один таков, оттуда и желание приравнять его к остальным – спустить с пьедестала, дабы утопить в жидком огне. Тот, что дарил нам надежду, сгинул. Позабыт народом, как простым, так и видным богам. А тот, что внушал страх всем и каждому, продолжает жить.

Мы помним аколитов его – подчинённых бесчисленными обещаниями, осквернённых пламенем, испепелившим их человеческое естество. Мы помним жажду его – кровопролитие, оставленное в угле, просочившееся до самого края света, где нет места храбрым и высеченным в камне. Изображения, фрески и скульптуры его буквально кричат, что порочный огонь жив и по сей день – Янну-Корру следит за нами и ждёт своего часа. Когда неравнодушный оступится, а кающийся отвернётся от облика покаяния своего.

Мы помним ярость его – бушующий смерч, сорвавший лик Бастиона Аурора; солнца не утраившийся, вызванный одним лишь пороком. Мы помним глас его – сладкий, навевающий воспоминания о доме, давно утраченном, стёртом временем неумолимым. Те песнопения сложили не одного и не тысячу, ибо все мы в глубине души желаем покоя. Сколько предателей было рождено и сколько увязло в земле? Мы знаем, но боимся сказать... Голосу нашему никогда не достичь звучания того, что породило чудовищ среди тех, кто родился для борьбы с оными.

Мы помним обещание его – вернуться в облике многообразном, сорвать ризы и показать нам истинное лицо зла. Скрытое быть может за улыбкой иль скорбною печалью, что в глубине несёт лишь фальшь.

В тот час, когда ослабнет дух, когда отравленный падёт на землю без дыхания; когда мечом отрубят голову Браан-ву, сокрушённого любовью, мы все увидим лишь лукавый взор.

И сгинет мир в тени его крыльев.

Весми из Флотгера. Послание в века: «Мы помним».

Глава 2. Сын Короля

Равус Вал'Гавсми и Польдаар Джуно.

Второй день пятого месяца.

Дорога до Сангерхъема оказалась непростой. Стоило отряду обогнуть хребет Эткера и вкусить прохладный воздух равнин, как проблемы начали появляться одна за другой. У двух солдатских лошадей сбились подковы, сильно замедлив их ход, затем Рейме вступил в полемику со своим подопечным по имени Гарки, которого из-за боли в пояснице не устраивала всеобщая спешка, а потом и Равус с Польдааром осознали страшное – в их походных мешках закончилась провизия. Впереди было три дня пути.

Пока солдаты и деревенщина плелись в хвосте, трио отважных героев в авангарде продиралось сквозь ночной туман. Их факелы озаряли всего пару метров вокруг лошадей, и потому они двигались осторожно. Случайный зверь на пути вполне мог всполошить животину. Если уж люди балансировали на грани рассудка, то что говорить о верных скакунах, изъеденных стрессом и недосыпом?

Последнее отряд намеревался исправить.

Облюбовав подходящее дерево, а именно «Плач Нигмороса» – широкий лиственный, кой не обхватить даже хороводу из десяти мужей, путники приготовились ко сну. Их ветвистое укрытие сливалось с ночным фоном и, несмотря на впечатляющие размеры, обнаружить его в тёмное время суток было той ещё задачей.

Костры разжигать не стали, факелы потушили. Солдаты Рейме отправились в мир сновидений практически сразу, а вот Польдаар, Равус и Уэйн не могли сомкнуть глаз. Лёжа на траве, каждый размышлял о своём. Дезертир делал это с особым усердием. Капли росы падали ему на лицо, но он не отвлекался: нахмутив брови и скрестив руки на груди, занимался самокопанием. В его основе был не кто иной, как Локселлус, не объявлявшийся восемь долгих лет. Ныне Обугленный Пасынок отрицал связь с родом Вал'Гавсми и не испытывал к младшему брату никаких чувств. Равус отказывался в это верить.

Улавливая лучи лунного света, что продирались сквозь ветви дерева, он мечтал узнать причину ужасающей метаморфозы и докопаться до правды.

– Все уже спят, а мы нет, – вдруг пробубнил Джуно, повернувшись на бок. – Мы, как дозорные, сторожим чужой покой. Я прав, друг мой?

Ответ Избранного Кузней был краток:

– Ага.

И Польдаар к такому привык.

– Ясно... Кто-то не в духе и не хочет разговаривать. Я понял. Может, тогда ты мне составишь компанию, Уэйн?

– С радостью. О чём ты хочешь поговорить?

Он сел рядом с Польдааром, облокотившись на ствол дерева, и вытащил из подсумка маленькую ракушку-талисман. Загадочный спаситель Равуса методично перекачивал её между пальцами, аки монету.

– Я готов обсудить любую тему.

– Как тебе сражалось с шарфом на голове? И сразу ещё один вопрос. Почему именно шарф?

– У меня был капюшон с маской, но те здорово повредились в битве. Видишь ли, я наткнулся на отряд разбойников по дороге в Гуло. Один клинок мне чуть было в глаз не угодил, и после победы в нечестном бою мне пришлось шустро соображать. Ничего, кроме шарфа, не

годилось на роль маски. Покупать что-то у местных бронников я не стал, потому как денег мало. Надо самому есть и кормить моего верного скакуна. Я бы, наверное, так и ходил в обмотках с торчащими во все стороны волосами, если бы не твой подарок. Спасибо, Польдаар.

– Не за что. Твой поступок заслуживает большей награды.

Слова любезного ильгала застали Уэйна врасплох – у него спёрло дыхание.

– В чём дело? Тебе тяжело дышать?

– Нет, просто... Я не привык к такой доброте. Редко её встречаю.

Он убрал ракушку в подсумок и высказал свою точку зрения:

– Награда – это не главное. Истинный подвиг мерит следующая за ним слава. Герой всегда идёт на риск. Например, он сражается с чудовищем... И что он получает в итоге? Самые красивые женщины мечтают разделить с ним ложе, богачи хотят одарить златом и серебром, ибо, по их мнению, бронза – это металл бедняков и кузнецов. А Короли? Они обещают подарить герою высокий титул и земли. Всё это не имеет значения. Главное – это песнь простого народа, несущая память о подвиге сквозь века. Я абсолютно уверен, что про короля Лавгута будут петь ещё сотни лет. И я тоже так хочу... Таким образом человек живёт вечно и вдохновляет остальных. Подвиг передаётся по миру...

– Ты практически слово в слово повторил свою речь, – нежданно вклинился Равус. – Серьёзно, пацан? Ты думаешь, мы идиоты?

Гневно приподняв брови, ВалГавсми облокотился на стальную длань. Он будто требовал ответа – держал невыносимую паузу и ждал, всматриваясь во тьму, таившую лик сладкоголосого парня под фиолетовым капюшоном. И когда стало ясно, что истина не высвободится по доброй воле, Равус сделал всё сам:

– Мать его гнать... Всё, больше ждать не хочу. Ты Уэйн Непрощённый Айнроус – старший сын Салливана Айнроуса Рассудительного, именуемого первым. Ты принц Тсандера, изгнанный собственным отцом по неизвестной причине.

– Чего? – всхлипнул Польдаар и уставился на Уэйна. – Ты принц?

Не в силах лгать сопартийцам, сын Короля взялся за капюшон.

– Это так очевидно, Равус?

– Да! Ещё как очевидно! Ты даже не пытаешься, пацан. Взял и повторил свою речь, которую зачитывал перед Салливаном. Я оскорблён. Как будто я идиот какой-то...

И Уэйн наконец показал себя. Рядом с Джуно и ВалГавсми сидел статный молодой человек двадцати пяти лет с каштановыми волосами до плеч. Волнистые, словно ветви плакучей ивы, они подчёркивали его подбородок с ямочкой и высокие скулы, несущие молву о своей неоспоримой причастности к королевскому роду. Как каждый уроженец Тсандера, молодой Айнроус обладал белой кожей с лёгким румянцем. Даже самые хмурые зимы казались ей безобидной шуткой, а палящее солнце могло в одночасье покрыть её загаром. Эти детали обозначил Равус.

Польдаар же подметил другие.

Прямой нос изгнанного наследника, не тронутый ни боевой травмой, ни жалкой царапиной, говорил либо о беззаботной жизни принца, либо о его невероятных навыках воина, а голубые глаза, прекрасные, словно кристально чистые воды горного ручья, могли бы покорить сердце любой женщины. Жаль только, Уэйн пока не отыскал подходящую.

– Каков красавец, – подытожил ильгала. – Истинный новый гин!

– Я не хотел оскорбить вас моей жалкой тайной. Особенно тебя, Равус. Я прошу прощения. Когда я начинаю говорить о своей жизненной цели, меня немного заносит и случается конфуз.

– Конфуз не то слово, – отметил Избранный Кузней. – Но давайте не будем тратить время на бессмысленные замечания? Какова твоя история, сын короля? Говори же...

– Он прав, – присоединился Польдаар. – Ты ведь можешь поделиться с такими же изгнанниками, как и ты сам. Мы одинаковые. Нам не ведать собственных земель, не ведать божьей семьи, честной работы и людского признания. Нам не стать купцами, ремесленниками и теми, чей труд не обременён кровью. И нам не заслужить доверия простого народа. Когда на тебе метка, для него ты второго сорта.

Айнроус вдохновился речами человека-амфибии. Он показал метку на шее, и вмиг его басистый голос поглотила печаль.

– Салливана называют Рассудительным – он к каждому может найти подход. За всё время своего правления мой отец не допустил ни одной ошибки. Все просят у него совета, прислушиваются и получают по заслугам. Я думал, что я не исключение, но на деле его рассудительности на меня не хватило. Салливан изгнал меня из родного дома, потому что я... Я не соответствую его представлению об идеальном наследнике. Я не могу рассказать больше, уж простите. Мы знаем друг друга всего ничего. Вместо причин изгнания я лучше поведаю о том, как собираюсь покончить с ним.

– Валяй, пацан, – одобрил Равус.

Уэйн кивнул ему и, сжав кулаки крепче, произнёс свою клятву:

– Я клянусь, что совершу великий подвиг, достойный Тсандера, и вернусь в родные земли с доказательством своей доблести! Со славной песнью, что простой люд сложит обо мне! И тогда я, наконец, заслужу прощение отца и займу рядом с ним своё законное место! Однажды я стану королём Тсандера!

– Ты хочешь быть правителем? – спросил Польдаар.

– Я хочу вдохновлять людей. Хочу, чтобы они верили в добро, несмотря ни на что. Таков мой путь. И так уж вышло, что до народа куда проще достучаться, когда у тебя на голове корона. Став королём, я смогу помочь многим. Как Лавгут сейчас.

Дослушав до конца, Равус с недовольной физиономией поднялся на ноги и облокотился на Таър-Итйр, дабы самую малость сократить разницу в росте с Уэйном и Польдааром. Те встали напротив и ждали, что скажет самый старший из троицы.

– Короче... Это всё безумно мило, но мне насрать. Реально насрать на всякие там подвиги, королей и прочее дерьмо. Я просто хочу разобраться, что случилось с моим братом и если попутно... Я ещё раз повторю...

Говоря тоном магистра-кудесника, считающего всех вокруг идиотами, он выставил клинок перед собой, легонько ткнув Непрощённого в грудь.

– Если попутно мы совершим какой-нибудь подвиг, тогда хорошо. Но если всякие спасения принцесс, деревень и детишек будут стоят между мной и моей задачей, я пошлю всё это на хрен, не задумываясь. Учтите, что будет так и никак по-другому. Я вижу, к чему идёт вся эта хрень. У меня на хвосте паренёк-романтик, который хочет быть героем баллад, и менсис-ильгала, который трётся около уже целый год и с переменным успехом то радуется, то бесит меня... Чтоб никаких подвигов ради подвигов, понятно? Приезжаем в Сангерхъем, обустроиваемся, разбираемся с вестями, которые туда принёс гонец, и ищем информацию по Локселлусу. Повторять надо? Тут есть особо одарённые?

– Мне всё понятно, Равус, – легко ответил Уэйн. – Пока что мы сражаемся вместе.

– Чует моей нос, это «пока что» продлится очень долго, – подбавил Джуно.

И указательный палец из стали тотчас ткнулся в нос шутника.

– А ну-ка, трижды зыркни вправо, чтобы не сглазить, Польдаар Джуно! Никаких кланов! Я в это говно больше никогда не полезу! Уж лучше меня трахнет ворожея с бородавками на полрожи, чем я окунусь в выгребную яму клановщины! Одно быстрое дело – и расходимся!

На этом громком слове троица улеглась спать. Отряд Рейме договорился выступать с первыми лучами солнца, и оставалось всего пять часов до рассвета. Узнав друг о друге много нового, наши герои поняли, что не затронули и десятой части секретов. Айнроус не знал, по

какой причине Польшаар путешествует с Равусом, а Джуно и Вал'Гавсми понятия не имели, почему король Тсандера изгнал своего старшего сына.

В тот момент это не имело особого значения, ибо праздник в честь славного короля Халлендора был не за горами. Если Избранный Кузней всё правильно рассчитал, то лошади должны были добраться до ворот города к началу ярмарочной недели – прямо перед речью Лавгута, которую тот каждый год самозабвенно произносил на центральной площади Стенграда. Именно там Равус хотел предупредить людей о возвращении Янну-Корру и предоставить доказательства – отрубленную голову поверженного Польшааром монстра.

В компании сына Рассудительного короля Тсандера у Равуса было больше шансов произвести впечатление.

Изображение 2: Уэйн Непрощённый Айнроус

Глава 3. Дом Песен

Равус Вал'Гавсми, Уэйн Айнроус и Польдаар Джуно.

Пятый день пятого месяца.

Правильно говорят: о мудрости монарха судят по делам. Его решения влияют на множество судеб и оставляют после себя несмываемый след в истории. Простой землепашец, чья ноша незаметна с высоты птичьего полёта, подвергается всеобщей оценке окружающих, потому как его дела несложно оценить: вспаханы ли плодородные земли, убраны ли конюшни и очищены ли поля от мелких вредителей. Нет смысла углубляться в тему вопроса, ведь очевидна истина: оба этих пути подвержены суждению со стороны. Приятно осознавать, что между школами лишений и богатств есть нечто общее, но не стоит обманываться иллюзорной простотой мира, ибо существует особая точка зрения, и принадлежит она верным солдатам. Они привыкли составлять людской портрет путём формирования чётких граней бремени. Каков груз на плечах мужчины или женщины – таков и их внутренний мир. Это взгляд воина, проливающего кровь каждый день. Таким когда-то был и Равус Вал'Гавсми.

За несколько миль до цели, будучи в окружении отряда Рейме, спасённых селян и двух изгнанников, он вспомнили клятву, данную им давным-давно. Это была клятва григора – мужчины, герб коего начертан верностью и уроками предков. Став мерзким люду изгнанником-дезертиром, Избранный Кузней отрёкся от нерушимого слова и спрятал его глубоко под землёй на долгие годы.

Однако, едва завидев силуэт Сангерхъема на горизонте, он почувствовал, как память ударила его под дых. С Домом Песни иначе быть не могло.

Как столица, этот город служил королевству центром армейского дела. Там, в железных тисках мастеров битвы закалялись лучшие григоры – Щиты Короны. С ранних лет они постигали жестокую науку войны, не смели допустить даже мысли о том, что подведут своего монарха.

Само название «григор» не принадлежало Халлендору. Его придумал великий мечник Замвел Григо родом из Тсандера. Он хотел начертить на песке бытия чёткую линию, разделяющую обычных солдат и защитников короны на два лагеря. Умений размахивать мечом и зачитывать ободряющие речи не хватало для получения почётного звания, ибо григорами становились только лучшие из лучших. Такие воины выделялись из толпы – их глаза буквально излучали добродетель Древних. Мальчишки с разных краёв Драо подавались в григоры добровольно, и если проходили испытания чести, силы и разума, то становились полноценными Щитами Короны. Так их называл Замвел Григо. Он говорил: «В руках их может и не быть щита, но тело должно заслонить монарха от стрелы, во что бы то ни стало».

Понятие григора зародилось в Тсандере, а остальные королевства мудро переняли его. Однако лучше всех со своей задачей справился именно Халлендор. Четыре пути, одарённые тремя принципами, как их назвал Сетгур из Нинфьяда, стали основами основ для каждого из людских королевств.

Необходимо перечислить эти пути и их принципы.

Путь Стойких. Несокрушимые щитоносцы в тяжёлой броне, аки стена встречающие неминуемую опасность. И вот их принципы:

Первый: «Щит важнее меча – без него воин забывает строгий взор отца, и нежность прикосновений матери».

Второй: «Муж, повернувшийся к врагу спиной иль подставивший горло, не заслуживает снисхождения богов за свою ошибку. Взор григора всегда направлен на недруга».

Третий: «Вместе григоры – твердыня, коей нет равных. Ни пламя, ни лёд, ни богомерзкие миазмы некрося не заставят Стойких разомкнуть ряды!»

Путь Неуловимых – клинки продолжения их рук. В лёгкой броне, укрытые ночным мраком, они быстры словно ветер. Данные им добродетели чётко передают принципы жизни Джулста – Бога воровства и светлой мысли.

Первый: «Движение – это жизнь. Носимый поступью неслышной даже самому Джулсту, григор обязан метить в сердце врага, не ведающего, о скорой встрече с Древними».

Второй: «Даже если очи забудут злато солнца... Если грудь утратит силу холодного бриза... Если разум не внемлет острому слуху... Григор, во что бы то ни стало, вкусит кровь врага своего, ибо ноги его быстры, а рука тверда – боги направляют Неуловимого. Он никогда не должен сдаваться».

Третий: «Сердце Неуловимого бьётся во имя народа – король не простит нам предательство люда простого».

Последний принцип обрёл особое значение во время правления короля Лавгута, ибо тот поднялся на трон с низов и в глазах григоров олицетворял землепашца.

Путь Яростных – вооружённых самым тяжёлым и смертоносным оружием. Руки их невероятно сильны, а стан гибок. Эти воины будут сражаться, даже истекая кровью, ибо так велят принципы:

Первый: «Дух григора опаляет врагов праведной яростью. Сохранить светлость разума под натиском гнева – это величайший дар и наделён им лишь верующий».

Второй: «Тяжёлая секира, великий двуручный меч, булава, тянущая к земле – ничто они в руках того, кто не видел пламени и абсолют в тандеме с тем, кто преисполнен жаром тысячи углей».

Третий: «Боль – это лишь помеха на пути к цели. Смерть – это источник вдохновения для тех, кого братская клятва продержала в бою достаточно долго».

Путь Разящих – лучники, предпочитающее терпение рвению. Дистанция их лучший друг, а меткость великое достоинство. Об уважении к собратьям и о бремени меткого выстрела, говорят принципы учения Разящих:

Первый: «Покуда братья по божественной черте проливают кровь в гуще сражения, Разящий исполнит свой долг – проредит стадо врага градом стрел. И не дрогнет его рука, а взор останется чистым».

Второй: «Подпустивший к себе преступно близко – обречён на гибель, иль на осмеяние».

Третий: «Прощаясь со стрелой выпущенной в сердце недруга, Разящий должен отпустить все тяготы иные. Забыть о сожалениях, о страсти порочной и о выборе, что не сделал – что стёрт временем. Ибо дар богов летит тем дальше, чем меньше тяготят его думы».

Великие защитники короны славятся своим снаряжением.

Броня последователей Замвела Григо куётся из прочного, но гибкого металла краниума – чёрного, как смола, закалённого пламенем выдающихся кузнецов. Для столь ответственного дела им требуется завидная усидчивость: на один готовый комплект уходит почти неделя тру-

дов мастера-бронника и его команды. Готовые доспехи надёжно защищают торс и спину, прикрывают конечности и в то же время позволяют григору сохранить подвижность. В рамках возможного, разумеется.

Например, Стойкие и Яростные носят тяжёлые комплекты брони с округлыми плечами и панцирной обкладкой. Широкие в тазу, аки основание дозорной башни, и утягивающие талию, они обеспечивают надёжную защиту. Чтобы воины различали друг друга в пыли сражения, пластины их нагрудников своими соединениями образуют рисунок в форме четырёхконечной звезды. Её края покрыты позолотой – письменами о принципах григоров на языке старых гинов.

В отличие от своих мощных соратников Разящие и Неуловимые предпочитают лёгкие доспехи, закрывающие лишь самые важные части тела. Комбинация кожаных подкладок, утягивающих ремней и краниумных вставок позволяет им сохранять манёвренность и не бояться покинуть поле брани одними из первых, не забрав на тот свет пару десятков врагов. Наплечники и наколенники Разящих приспособлены для стрельбы, а один, но мощный наплечник Неуловимого, спускающийся от плеча до самого локтя, отлитый из чистого краниума без примесей, работает, как таранный щит, коим оный григор буквально врежется в челюсть врага, лишая того равновесия.

Даже шлемы защитников короны отличаются в зависимости от их учения. Вытянутый и остроконечный, со спрятанной внутри смягчающей подкладкой на затылке – носят Яростные. Округлый, крепко окаймляющий челюсть забралом – украшает голову Стойких. Лёгкий, напоминающий лик волка, с подвижным забралом, кое григор вправе отбросить одним лёгким движением, носят Разящие. И только Неуловимые предпочитают кожаный капюшон в тандеме с бронзовым ликом Джулста. Он как маска, вторая кожа.

Помимо принципов службы григоров, все они придерживаются свода правил.

Имеют право любить лишь одну, кою возьмут в законные жены. Не используют волшебство, оставляя за кудесниками, чаровницами и элемантами право помощи в бою. Пав ниц пред королём или главой клана, григоры никогда не говорят первыми, за исключением дружеских бесед, далёких от службы.

Все эти правила чернобронные воины знают наизусть. Каждый из них уважает традиции, кои стали достоянием старых и новых гинов благодаря великому Халлендору и его столице Сангерхему.

Равус и остальные как раз подбирались к нему.

Его прозвали Домом Песен. Все самые известные тексты земель Драо родились за стеной из белого урдвика. Поднимаясь до бескрайних небес, она окружала город, точно непробиваемый авангард Стойких, и во времена Великой Войны Четырёх Гербов никто не смог её преодолеть. Прекраснейший из уголков Халлендора остался нетронутым на радость богам. Те, кто возводил этот город, будто ждали их с минуты на минуту и потому приложили максимум стараний. Дороги улиц Стенграда были выложены плоским камнем, просторны и вычищены, подобно покоям короля. Пройди по ним полк григоров, ведущий по правую руку табун лошадей, всё равно осталось бы место для пары теснящихся повозок.

И, кстати, о них... Самые разные колымаги то и дело колесили туда-сюда под улюлюканье купцов, зазывающих гостей города или местных любителей бестолковых побрякушек на любой вкус и цвет. Приезжие провинциалы – народ скупой: лишнюю монету из них не вытянешь. Благо, столичных покупателей набиралось немало, ибо облагороженные зеленью и цветами всех оттенков районы изобиловали заселёнными домами. От небольших одноэтажных

жилищ, радовавших глаз своей простотой и аккуратностью, до усадебных особняков, пышущих достатком. Там золото и серебро текло через край, пусть камень и дерево во всех постройках были одинаковы, с какой стороны ни посмотри.

Подбор материала для строительства в Сангерхеме – это отдельный вид искусства. Каждому дому полагалась быть прочным, как крепость, и даже землепашеские пристанища не являлись исключением. Король Лавгут обещал Халлендору безопасность и не нарушил данное слово. В его мировоззрении простой люд представлял собой основную силу государства, ибо григоры ничего не могли без поддержки и веры.

В учении Древних говорилось: «Правитель молвит от лица подданных, несёт их желания в мир и смиренно исполняет. Ему нужен оплот – дворец, пылающий отвагой». В Сангерхеме как раз нашёлся подходящий – Краунфар, он же Пик Знамени. В отличие от Тсандера, Мауторна и Войтшира, где дворцы располагались ближе к северу столицы, Халлендор избрал путь центра. Все дороги Сангерхеме тянулись к замку Лавгута, будто нити паутины. Опоясывая его, они образовывали обширное ярмарочное кольцо. Там часто проводили праздники, всевозможные сборища и городские состязания. На них жители Сангерхеме старались одеться во что-нибудь достойное, сменяя рабочую одежду из дешёвых тканей на приличные кафтаны или пиджаки, благо, таких было навалом у портных, с радостью сдававших товары напрокат.

Теперь, когда каждый камень Сангерхеме поднят с земли, и вопросы причастия более не тяготят разум, пора нам вернуться к прежнему курсу истории.

После того, как отряд Рейме распрощался с Равусом, пообещав прийти на помощь в случае нужды, Избранный Кузней и его компаньоны Польшаар и Уэйн направились к ярмарочному кольцу, чтобы встретиться с Лавгутом. В пятый день пятого месяца тот выступал перед народом и внимал его чаяниям. Монарх сообщал о грядущих переменах и принимал справедливые реформы. Стоит ли говорить, что люду было не протолкнуться? Тысячи радостных жителей Сангерхеме собирались у кольца Краунфара и просили, и просили, и просили...

– Не отставайте, – проговорил Равус, поправив маскировочную накидку. – Если вы потянетесь в толпе этих идиотов, я вас искать не буду. После болтовни с Орнийским, собираемся в корчме у Кернила. Там хороший эль и посидеть можно тихо.

Последнее заставило Польшаара недовольно всхлипнуть.

– М-да... Тихо – это очень хорошо. Халлендорцы – народ шabutной, они даже от кирианцев шугаются, не говоря о таких, как мы.

– А чем им не угодил темнокожий люд? – оживился Уэйн, протиснувшись между двух дев с корзинками. Те несли королю угощение – яблоки и груши, что будут проверены его слугами.

– Не то чтобы не угодил... Это слишком громкое заявление. Просто кирианцы слишком отличаются от белокожих жителей больших материков. Они не сражаются холодным оружием, потому что считают его грязным придатком былых времён. Вместо мечей и копий у них исключительно элемантия, а вместо войн и политических дрязг – мир и благодать. Иногда мне кажется, что они с лёгкостью могли бы навязать нам всё это, но им подобные предприятия видимо не интересны. Они даже не видят смысла разделять гинов на старых и новых. У вас разница, ребята, только в родословной и оттенке глаз. У старых – тёмные, у новых – светлые. Вот и всё. Отсюда – и трения, и волнения. Никто не любит тех, кто превосходит их хоть в чём-то.

– Хм... Я знал об этом, но никогда не думал, что столь незначительные детали могут породить косые взгляды. Наверное, тут основную роль играет моя неопытность.

– Это значительные детали, поверь мне, Уэйн.

– Вы наговорились? – вмешался Избранный Кузней. – Мы пришли. Вон, смотрите король идёт. Руки раздвигает, будто народ обнимает...

Равус был прав. На трибуну в центре кольца Краунфара под оглушительные аплодисменты вышел не кто иной, как Лавгут Орнийский. Народ встретил его тысячей искренних улы-

бок, словно для него правитель-узурпатор представлялся непогрешимым отблеском богов во плоти.

Широкий в плечах, высокий мужчина рода старых гинов пятидесяти лет от роду скрестил руки на груди и встал на краю трибуны. Он осматривал своих подданных карими глазами, будто высеченными в камне. Этот взгляд, лишённый сомнения и страха, внушал ужас врагам королевства и нескончаемую радость его союзникам. Лавгут обладал чертами лица простолюдина: широким подбородком, казавшимся слишком грубым для представителя знати, тонкими губами и прямым носом, в коем изюминку не разглядел бы даже искусный подхалим. Однако во всей этой простоте скрывалась суть властителя Халлендора. Он ничем не отличался от землелепаша: носил короткие волосы цвета ночного тумана и никогда не перебарщивал с украшениями для одежды.

Чего уж говорить... Вопреки традициям, корону Лавгута из чистого золота не украшал ни один драгоценный камень. Он самолично вырвал их оттуда во время коронации, а доспехи, за редкими исключениями, предпочитал носить чёрные, как у простого григора.

– Жители Халлендора, – король обратился к народу, и тот в мгновение затих, слушая неповторимый голос, пропитанный мужественностью в каждом слове. – Я несказанно рад видеть вас всех на нашем любимом празднике. В этот день тиран Арвольд распрощался с жизнью, и мучения нашего уважаемого дома подошли к концу. Многие считают, что тогда я совершил свой главный подвиг, но заверяю вас, что момент моего истинного величия ещё впереди. Для короля народ – это подданные, однако в моём случае я ваш слуга. Каждый год я прихожу сюда и слушаю вас. Все ваши просьбы и желания, которые я обязан исполнить, звучат ясно и будут записаны. Чтобы жизнь в королевстве лесов и деревень была подобна сказке, я, Лавгут Орнийский, обязан нести свой дозор. И сегодня, как и всегда, мне в этом поможет наш давний друг и советник родом из Мауторна, сэр Доминес Клемент!

Монарх пригласил названного мужа на сцену, и ряды григоров вокруг неё расступились. Перед рукоплещущей публикой предстал стройный мужчина рода новых гинов в возрасте сорока пяти лет с чёрными, аккуратно подстриженными волосами. Он окинул халлендорцев зелёным взором и улыбнулся. Сделал это весьма выразительно, благодаря дарованной богами пышности губ и округлому подбородку, что подчёркивали любые эмоции.

Клемерт, бесспорно, был красив, однако казалось, что ему этого мало. Шёлковые одежды, кои советник менял по поводу и без, всегда украшали драгоценные камни всех мастей. Некоторые в шутку называли Доминеса хамелеоном, ибо его белая, аки молоко, кожа под лучами солнца отражала блеск побрякушек. От изумрудов она становилась зеленоватой, а от сапфиров размером с человечесьё око – синей.

– Я всегда рад помочь тебе, Лавгут, – сказал Клемент своим высоким гласом.

– Мой старый друг!

Король обнял его, похлопывая по спине.

– Сегодня мы снова вместе слушаем народ. Сперва будет говорить клан достопочтенного Донсо Четырёхпалого, что несёт слово района Ветряных Мельниц. Укрась же знамя слогом, мой давний товарищ!

Человек, лишённый безымянных пальцев на обеих руках, оправдывающий данное ему прозвище, поднялся на сцену и встал на одно колено перед Лавгутом, склонив голову.

– Мой Король, спасибо за данную мне возможность, за свет солнца, что я не боюсь принять взглядом, за теплоту домашнего очага и за борьбу со страхом войны, что будет недолгой, ибо врагу не сломить волю твоего знамени. Народ Ветряных Мельниц рад сообщить тебе добрую весть!

Донсо выпрямился и, увидев улыбку своего правителя, стал говорить громче:

– Урожай в этом году выдался добрым! Хлеба будет много, Ваше Величество! Мельницы работают исправно, и, к нашему счастью, гнев богов в виде прожорливых насекомых обошёл нас стороной! Мы очень хорошо потрудились! Во славу Солнцеликого Бастиона Ауроса!

– Да падёт его свет на каждого, – дополнил Лавгут. – Это прекрасные новости, Донсо! Раз уж работа идёт без каких-либо проблем, скажи, чего же вы хотите в этом году? Что ваш король должен исполнить?

– Наша просьба проста, о всепонимающий. Работа отнимает у нас много сил, и их надобно быстро восстанавливать. Жаль только, любимый нами курительный дом Модж¹⁰ закрыт уже полгода из-за трещин в стенах. Мы просим отремонтировать их и возобновить работу дома.

Внемля просьбе, король Лавгут утвердительно кивнул. Он положил руку на плечо Донсо Четырёхпалого и посмотрел в сторону Клемента, без слов вопрошая его мнения.

– Это весьма достойное искательство, – мигом отреагировал Доминес. – Вдыхая священный дым, славные мужи и прекрасные девы Халлендора прощаются с земными тяготами и вспоминают времена беззаботности. Так они набираются сил для грядущих испытаний жизни.

Выйдя вперёд, советник протянул руки к слушателям, будто оттеняя короля.

– Как по мне, то нет ничего лучше вкуса священного дыма! Я понимаю, почему жители района Ветряных Мельниц нуждаются в помощи курительных домов! Ты видишь то же самое, что и я, Лавгут?

– Несомненно. Посему уже завтра я отправлю мастеров для восстановления дома, и вы снова сможете отводить душу после тяжёлых будней!

Донсо расплылся в улыбке. Он крепко обнял монарха, кой с радостью разделил с ним объятия, покуда народ продолжал рукоплескать, оглядываемый Клементом. Советник стоял в стороне с надменной физиономией и любовался зрелищем, подмигивая дамам в толпе, хоть и был женат. Его созерцания продлились недолго. Обменявшись с Лавгутом парой тёплых фраз, представитель района Ветряных Мельниц решил обнять и Доминеса, да так крепко, что тот растерялся. Четырёхпалый самозабвенно уткнулся носом в роскошные шелка, а их носитель едва выдавил из себя ухмылку... почти незаметную, готовую развалиться на части.

Дабы не выглядеть в глазах людей напыщенным павлином, сэр Клемент с горем пополам заставил руки подняться до уровня поясницы Донсо и, продолжая ухмыляться, простоял так полминуты.

– Расслабься, мой друг, – посоветовал Орнийский. – Прими любовь народа такой, какова она есть. Это великий дар.

– Спасибо за совет, но я в полном порядке, Лавгут. Просто я не ожидал столь прямого подхода. И спасибо тебе, Донсо! Мы рады помочь – всегда к твоим услугам!

Монарх Халлендора разделил мысль советника и сделал низкий поклон. Он отдал почести клану Четырёхпалого и продолжил свою речь:

– Каждое деяние короля направлено на благополучие граждан его королевства. Просьба Донсо Четырёхпалого была проста. Я всё ещё жду реальное испытание! Я готов исполнить сложнейшие просьбы, если они не запятнают мою честь и не нанесут вреда людям! Кто следующий? Может быть, клан Реймера Нинфьядского? Или Клан прекрасной Ании Бьёнской? Нет смысла медлить, я охвачу все районы!

– Тогда охвати вот это! – громогласно выкрикнул Равус, чтобы его услышал каждый. Он держал в руке тканевый мешок, поднимая оный высоко над головой. От мешка смердело, а из отверстий лезли мухи.

¹⁰ Модж – название незапрещённого лёгкого наркотика, распространённого в землях Халлендора и Мауторна. Если разбавить его кристаллы водой и нагреть, получается дым, который можно вдыхать. Малые дозы вызывают приятные галлюцинации, большие вполне способны вогнать курящего в непродолжительный сон.

– Кто таков? – обратился Лавгут. – Чем твой король может помочь и почему ты считаешь, что вправе говорить громче остальных? Твоя просьба столь велика?

Король, тем не менее, приподнял правую бровь, намекая на шаткость положения незнакомца в капюшоне.

– Неужели гонца сожрали звери по пути сюда...? Меня зовут Равус Вал'Гавсми, – представился тот, убрав вуаль тайны с головы. – Избранный Кузней, бывший григор учения Яростных и дезертир. Ветеран войны, которую послал прямиком в туман Затянутого Королевства!

– Вот оно как? Очень смело, Равус Вал'Гавсми, Избранный Кузней. На твоей щеке я вижу метку изгнанника и готов поспорить, что двое твоих компаньонов подвержены аналогичной каре. Только погляди, как озлобился народ... Моё Королевство, как и все остальные, не терпит дезертиров. Лишь в горных деревнях, где золото дороже чести, на вас всем плевать. Что тебе нужно, дезертир?

Равус улыбнулся Лавгуту... кривой улыбкой, лишённой всякого уважения. Муж с рукой из стали словно бросал вызов монарху, провоцируя его сделать шаг вперёд. Как по щелчку пальцев гниlostное молчание захватило площадь, пустив невидимую трещину по чаше терпения властей предрежащих. И когда Вал'Гавсми получил желаемое, он вывалил на землю содержимое мешка – голову выродка убиенного Польшааром.

– Браан-ву? – мгновенно отреагировал Доминес Клемент.

Пространство вокруг Избранного Кузней стало в разы просторнее. Едва углядев омерзительный лик монстра у его ног, свидетели растолкали друг друга, лишь бы уйти подальше от эпицентра событий. Для горожан это было воистину жуткое зрелище – оно породило множество воплей и всхлипываний в толпе, однако Вал'Гавсми мог перекричать их все:

– Пока вы тут обсуждаете всякую чушь, быть богам впроголодь, деревня Гуло уже тлеет! Порождения пламени уничтожили её без жалости! Их предводитель Чёрный Рыцарь стал сосудом для Янну-Корру и очень скоро найдёт новое развлечение! Ещё какую-нибудь деревушку или даже крупный город!

Услыхав имя чистого зла, люд окончательно потерял голову. Снова и снова повторяя эти порочные слоги, мужчины, женщины и дети отдавались в тиски страха, чего Лавгут допустить не мог. Он высвободил из ножен обрамлённый светом солнца Святой Флерсенблад и со всей королевской силы вонзил его остриё в пол, мгновенно заглушив шум толпы.

– Довольно! Пусть только Равус Вал'Гавсми говорит!

– Спасибо, о добрейший, – откровенно издевался Избранный Кузней. – Короче... Этот Чёрный Рыцарь на самом деле – мой родной брат Локселлус Вал'Гавсми. Простым оружием его не убить, и поэтому мне нужен твой Флерсенблад. Я очень сомневаюсь, что хоть кто-нибудь тут отважится драться с настоящими Браан-ву, а вот я и мои ребята штаны не обоссим, уж поверьте. Дайте мне немного времени, и я принесу вам затухающее пламя Янну-Корру, сжатое в моём стальном кулаке.

– Ты сейчас серьёзно?

Орнийский вытарашил глаза, поражённый наглостью.

– Я правильно понял? Ты хочешь, чтобы я отдал тебе Клинок Спасителя? Просто так, первому встречному? Мне даже трудно представить, насколько я должен доверять человеку, чтобы эта просьба не показалась оскорбительной... В твоём конкретном случае это плевок в лицо. До нашей сегодняшней встречи я слышал о тебе, Стальной Рукав, и поверь, отзывы были нелестные. Мне легче самому одолеть твоего порабождённого брата и положить конец козням Янну-Корру раз и навсегда. Нет смысла рисковать реликвией предков. Верно, мои дорогие халлендорцы?

Народ поддержал властителя громкими аплодисментами и задорным свистом, повторяющим мотив знаменитой песни о подвиге простолюдина, ставшего монархом.

Только он успел войти во вкус, ведомый мелодией, как Клемент прервал его:

– Но, Лавгут, нельзя бездумно бросать город и своих подданных. Мне думается, ты не можешь отправиться за названным зверем даже если он и существует. Голова Браан-ву настоящая, это бесспорно, но кто ещё видел этого Локселлуса?

– Я видел! – вызвался Уэйн, сняв капюшон. – Собственными глазами, о почтенные!

Лавгут узнал парня с первого взгляда:

– Сын Салливана Айнроуса Рассудительного! Уэйн, мой мальчик, неужели ты говоришь правду?

– Спасибо за доброе обращение, Ваше Величество, – сказал Непрощённый, поклонившись. – Несмотря на моё изгнание, вы продолжаете ко мне хорошо относиться. Увы, но я вынужден молвить одни только факты. Локселлус действительно существует. Он сказал, что его ведёт пламя Янну-Корру, и как свидетель его зверств скажу, что они поистине ужасают. Мир старых и новых гинов в опасности – древнее Зло пробудилось.

– Как бы то ни было, – голос Клемента прозвучал чуть раньше, чем королевский баритон. – Властитель Халлендора занят вопросами внутренней политики и без его непосредственного вмешательства их решить не удастся. Лавгут не может бросить народ сейчас ради прозрачной угрозы из уст сына, изгнанного собственным отцом, дезертира, у которого в глазах сплошная наглость, и...

Польдаар понял, что сейчас назовут его имя и вышел вперёд.

– Меня... Польдаара Джуно.

– И клятвопреступника ильгала, о подвигах которого наслышан весь Драо! – закрепил советник. – Замечательно! Просто отряд мечты! Лавгут, ты только погляди... Одному наплевать на законы гинов, второму – на законы подводных народов, а третьему – на слово правителя Тсандера и твоего хорошего друга!

– Ты сгущаешь краски, Доминес. Позволь им сказать.

– А чего тут говорить, Лавгут? – прогремел Вал'Гавсми. – Ты либо даёшь нам шанс, либо все королевства передохнут по одному!

– Даже если угроза реальна, я не могу дать Клинок Спасителя в руки клеймённых. Это строго запрещено. Это ересь, и её покажут боги. Если я сам не могу вступить в бой с чудовищем, то следует найти иное решение...

Орнийский взялся за подбородок и ушёл в свои мысли. Тысячи присутствовавших горожан не смели прерывать оный процесс. Они безгласно ждали решения их спасителя – единственно верного, непоколебимого и мудрого. Крепко держа Флерсенблад, король края лесов посмотрел в глаза Доминесу Клементу и, уловив его настрой, наконец заговорил:

– Народ Халлендора, к кольцу Краунфара пришли изгнанники! Это тяжкая ноша, и все мы знаем, чего изгнанник хочет больше всего!

– Избавиться от метки! – разом проговорили все.

– Совершенно верно! Есть лишь один способ сделать это – пройти испытания Четырёх Гербов. В качестве прямого доказательства мне вполне достаточно отрубленной головы Браан-ву, слов Уэйна и некоего доклада Рейме Красного, кой я, увы, ещё не успел прочитать, но уже догадываюсь, о чём он. Ведь Рейме вернулся из Гуло... Посему, услышь меня, Равус Вал'Гавсми: я готов предоставить шанс тебе и твоим соратникам! Если вы исполните великий подвиг для каждого из четырёх королевств и вернётесь ко мне с доказательством исполненного долга, я прикажу кудесникам церкви Солнцеликого Бастиона Аурора снять с вас метки изгнанников и лично передам в ваши руки Флерсенблад, дабы вы лишили Локселлуса жизни и отправили Янну-Корру обратно в Затянутое Королевство.

– А если мне насрать на все эти подвиги? – спросил Равус. – Что тогда?

– Тогда ты не получишь мой клинок. Подвиги докажут, что тебе и Польдаару можно верить и вы сами не находитесь под влиянием Янну-Корру. Что до тебя, Уэйн, ты исключение. В твоём незавидном положении просто необходим стоящий подвиг. Может быть, Салливан

и не простит тебя в конце, но я гарантирую, что в моём королевстве такому, как ты, всегда найдётся место.

– Спасибо за дарованный мне шанс, Ваше Величество, – ответил Айнроус и снова поклонился. – Огромное Вам спасибо!

– Всегда пожалуйста, мой мальчик.

И Лавгут вернул Флерсенблад в ножны.

– Прежде чем я продолжу вникать в просьбы народа, объявлю очевидную всем и каждому истину. Равус, Польдаар, Уэйн, вас слишком мало. Три бойца – это даже не клан, и такому скудному войску я бы не доверил даже потасовку в подворотне.

Вал’Гавсми сходу вспомнил слова о клановщине, сказанные им не так давно, и оглядел имеющиеся у него боевые ресурсы. Увы, но Лавгут был прав...

– К счастью для вас, есть ещё два кандидата. Они напросились ко мне поутру – хотели, чтобы я снял с них метки изгнанников. Молодая девушка из старых гинов по имени Альвия Фло’Грат из дома Торолун и её компаньон-магнир, известный как Тагок сын Тавгура. Они отдыхают в корчме у Кернила и с радостью присоединятся к вам. Их мотивации хватит, чтобы заключить с вами союз.

– Как будто вы знали, что мы придём! – радостно воскликнул Айнроус.

– Отнюдь, мой мальчик. Я не знал. Просто импровизировал по-королевски. Теперь вы пятеро – Длань Короля¹¹. Явитесь ко мне с доказательствами доблести, и я дам вам право нести Флерсенблад. Если к вашему возвращению ситуация заметно ухудшится, в чём я крайне сомневаюсь, учитывая вездесущие полки григоров и масштабы наших земель... Но всё же! Если ситуация ухудшится, я буду стоять с вами в одном ряду и помогу сразить Янну-Корру.

– Но, Лавгут, – поспешил вмешаться Клемент. – Ты же не можешь...

– Я всё сказал, Доминес. Что я за правитель, если просто наблюдаю за битвой? Я обязан быть на передовой, как обычный воин, взявший меч ради защиты любимых.

Вдохновляющие речи монарха действовали Равусу на нервы. Стиснув зубы, постукивая сапогами о землю, он с титаническим трудом сдержал внутри себя порывы сельского грубияна и перебил Лавгута максимально мягко:

– Здорово вы словечками кидаетесь...

Максимально мягко по меркам Избранного Кузней...

– А что будет, если мы вдруг не успеем и Локселлус придёт в Сангерхъем или другой крупный город? Что будет, если разорит десятки деревень?

– А как ты сам думаешь, Стальной Рукав? – с улыбкой спросил король. – Как себя поведёт Лавгут Орнийский, если у него не останется выбора? Не тратьте время впустую, о моя Длань Короля. Оно течёт супротив вашим надеждам. Чем быстрее вы справитесь, те быстрее станете чисты в глазах богов. И напоследок: возьмите с собой это...

Властитель бросил Равусу золотую чеканную монету со своим изображением – «Знак короны», уникальный ключ от всех дверей.

– Так люд поймёт, что вы Длань Короля и служите Четырём Гербам. Никто не встанет на вашем пути и не подвергнет сомнению ваши методы. А теперь идите! Подвиги ждут!

Повторять Лавгуту не пришлось. Троица изгнанников оставила Кольцо Краунфара, а он получил возможность уделить драгоценное внимание иным прошениям граждан. Собрание продлилось почти два часа, и за это время в городе многое изменилось: наступил всеобщий обеденный перерыв. Трактиры и столовые переполнились гостями, торговцы позакрывали лавки, а дозорные солдаты рассредоточились по крышам с тарелками тёплой похлёбки в руках.

¹¹ Длань Короля – это отряд из пяти воинов, исполняющий его волю во всех Королевствах. Он обладает особыми полномочиями и отчитывается только перед монархом. Один раз за всю историю Драо её формировал Король Бассет Второй во времена при Замвеле Григо. Создатель григоров сам был её частью, он называл себя Безымянным Пальцем. .

Равус и его верные компаньоны держали путь к корчме у Кернила, расположенной в районе Ветряных Мельниц на востоке Стенграда. Тамошняя атмосфера вступала в конфликт с остальными частями города. Если на западе, севере и юге люди расхаживали с улыбками до ушей, то здесь их состояние можно было описать как подавленное. И это, мягко говоря, странно, поскольку пейзажи вокруг ничем не отличались от соседних, а люди всё равно расхаживали с унылыми физиономиями. Неместный Уэйн смотрел на них, задаваясь десятком вопросов. Складывалось такое впечатление, будто жителям района Донсо Четырёхпалого на всё плевать. Впору взять факел в руки и поджечь несколько мельниц: никто не заметит и не станет сообщать королю.

Отчасти то была горькая правда. Жители Мельниц настолько увлекались своей работой по выпеканию хлеба и других мучных изделий, что у них не оставалось времени ни на что другое. И это никому не мешало. Люди привыкли к такому образу жизни – единственным их развлечением являлись походы в курительный дом Модж. За его стенами тревоги превращались в дым, который вдыхали сотни любителей сбегать от реальности. Полгода заведение, закрытое на аварийный ремонт, не работало, однако вопреки ожиданиям лучше в районе не стало. За последние два месяца участились случаи пропажи горожан. Лавгут приказал найти их во что бы то ни стало, но за всё время расследования ищейки не обнаружили ни одной зацепки.

Увидев плакат с изображением молодой девушки по имени Омивия, Непрощённый забеспокоился:

– Это так странно. Сангерхьем всегда казался мне спокойным местом. Почему люди пропали, и их никто не ищет? Никто об этом даже слова на собрании не сказал.

– От одного знакомого я слышал, что пропали пятеро, – отозвался Джуно.

Вместе с Уэйном он шёл позади плечистого Вал’Гавсми.

– Пять человек в самом большом городе королевства – это не слишком много. Лавгут пытается решить этот вопрос, но у него и так полным-полно проблем. Ты сам знаешь.

– Тяжело быть королём. Столько ответственности...

– Это точно. Незавидная ноша...

– У Лавгута свои заботы, я понял, – продолжил Айнроус. – Но что до горожан? Им самим не интересно, куда подевались их друзья?

– Тут повсюду воняет хлебом, пацан. У тебя что, нюх отбило?

Избранный Кузней обернулся и увидел два взгляда: удивлённый Уэйна и порицающий Польдаара.

– И не смотри на меня так, Польдаар Джуно. Пацан не местный. Тсандер очень сильно отличается от Халлендора. Там всё просто, как два бронзовика, а здесь нужно адаптироваться – понять, что к чему.

– Если ты у нас такой сведущий, Равус, может тогда объяснишь Уэйну, как у нас тут всё устроено?

– Мне за это не платят. Делай сам.

И дезертир просто взял и отвернулся. Звонко стукнув себя по лбу ладонью, ильгала решил немного помочь Айнроусу.

– Чувствуешь запах выпечки? Он здесь повсюду. Пирог, кексы, торты, булочки... Здешние просто заиклены на своей работе. Вот поэтому хлеб Дома Песни и самый вкусный в мире. Если бы не тысячи текстов, Сангерхьем назывался бы сдобным домом.

– Пока я был принцем, я мало интересовался Халлендором и его столицей. Что же... буду навёрстывать. Я взял себе книгу в великой библиотеке Фрима, но так и не успел добраться до нужной главы из-за приключений по дороге. Есть смысл читать сейчас?

Уэйн вытащил позолоченный томик из походной сумки, открыл его в нужном месте и ткнул пальцем в строку.

– Вот здесь я остановился.

– А-а-а! Знаменитый халлендорский клыкач! – улыбнулся человек-амфибия. – Это вечная история! Каждый год одинаковые идиоты приносят одну и ту же клятву. Мол, они убьют клыкача и принесут его голову в качестве свадебного подарка. Честно, я не понимаю всей этой шумихи вокруг обычного болотного зверя. Ну, есть у него длинные клыки, и дальше что? В Халлендоре можно найти куда более интересных чудовищ.

– А многие возвращаются с уловом после охоты на клыкача?

– Если повезёт, каждый десятый, – быстро бросил Равус.

– Так мало?! Зачем же тогда мужи Халлендора осознанно идут на самоубийство? Они владеют волшебной? Знают секретные техники боя?

– Они кретины! – хором проговорили Вал’Гавсми и Джуно.

Последний продолжил эту мысль:

– Вот скажи мне, Уэйн, какие у вас в Тсандере свадебные традиции?

– Особых традиций нет, если, конечно, ты не представитель голубых кровей.

– С этого момента поподробнее, мой друг. У нас есть немного времени до прихода в корчму, и я с удовольствием послушаю эту историю. Ты тоже... – Польдаар сделал паузу. – Равус?

– Прямо обоссаться с каким удовольствием!

Несмотря на очевидные грубость и пренебрежение, Уэйн улыбнулся Избранному Кузней и решил удовлетворить просьбу Польдаара:

– Я говорил о голубой крови. Есть в наших краях редкий цветок «треглаз». Он невероятно красивый и в вазе с обыкновенной водой способен выживать годами. Любая женщина твоя, коли сможешь добыть его. Треглаз растёт глубоко под землёй в пещерах без солнечного света. Если спуститься туда проще простого, то вот выбраться наружу практически невозможно.

– Почему же невозможно?

– Цварты. Это такие существа из чистой тьмы. На первый взгляд они напоминают безобидный клубок пряжи, но стоит тебе зайти на их территорию, как они оживают! Обхватывают тебя своими щупальцами и затаскивают к себе в пасть! Да... как бы странно не звучало, но у клубка пряжи есть зубастая пасть. Только лучшие войны выбираются на поверхность с треглазом за пазухой! У моего отца получилось. И у моего деда тоже... И, возможно, когда-нибудь я сам смогу...

– Пришли, – скомандовал Равус.

Он встал напротив двухэтажного здания из грубого серого камня. На его черепичной крыше виднелась труба, выплёвывающая клубы дыма. Изнутри доносились звуки застолья, и сквозь щели меж досками, кои здесь громко именовали дверью, можно было увидеть танец корчмаря и двух девиц не первой свежести. Гости аплодировали им стоя.

– Тлеть... – выругался Избранный Кузней. – У каждого даже самого красивого города есть своя дыра за пазухой... Ладно, слушайте внимательно. Сейчас заходим и ищем эту парочку изгнанников. Показываем им монету, быстро всё обговариваем и находим способ выполнить первый подвиг. Вопросы?

– Мы на пороге первого подвига, – отметил Польдаар. – И самое время задать главный вопрос. Именно здесь и именно сейчас, когда до цели рукой подать. Скажи мне, Равус, в этом был весь твой план? Как последний наглец, ты хотел позаимствовать Флерсенблад у короля и пойти убивать Локселлуса? Просто так? На раз, два, три?

– Ты сейчас это решил обсудить?

– Да, именно сейчас! Я знаю, что ты не идиот и тебе известно, как устроен мир! Все эти нескладушки – это признак того, что нас пытаются обдурить! Ты говорил, что тебе не нужны подвиги, а теперь выясняется, что ты был к ним готов! Дай угадаю! Ты плёл нам чушь, просто чтобы выглядеть круто? Иного объяснения нет... Ты осознавал, что Лавгут попросит именно

то, что ты терпеть не можешь, но тебе было необходимо покрасоваться! Показать, какой ты у нас бунтарь! Равус, мы находимся в одном шаге от начала предприятия, в котором ни ты, ни я не планировали участвовать... С Уэйном-то всё понятно: ему нужны подвиги, чтобы вернуться к отцу. А я и ты? Нам это зачем? Мне нравится идея снять эту метку...

Джуно ткнул ладонью с обугленным знаком клятвопреступника прямо в лицо Вал'Гавсми.

– Но мы с тобой должны договориться. Поклянись мне, что ты не кинешь меня и не подставишь в последний момент!

– А он так может? – запереживал Айнроус. – Ты ведь говорил, что он славный малый?

– Ещё как может! Есть целый список причин, почему этот великан может соврать или обдурить! ЕСЛИ ТЫ НЕ ЕГО ДРУГ, как он выражается! Я с ним продержался больше, чем кто-либо, и этого вполне достаточно, чтобы меня признать! Говори, Равус! Я назвал тебя хорошим человеком, когда про тебя спрашивал Уэйн! Признай и ты меня хотя бы другом в кавычках! Слово, данное другу, быть богам впроголодь, в кавычках, ты нарушить не сможешь!

– С какого перепугу ты решил, что я...

И сердитый взгляд Джуно остановил Вал'Гавсми на полуслове. Грубиян стиснул зубы и сжал кулаки. Можно было услышать скрежет металла его пальцев.

– Ладно... Убедил. Мы с тобой путешествуем уже год...

– Ага! – подначил человек-амфибия.

– Ты несколько раз спас мою задницу... Я никогда не обозначал, кто ты для меня есть, но так уж и быть... Чтобы ты, надоедливый, чересчур нравственный любитель пихать занозы мне в зад...

– Двусмысленно прозвучало, – пробубнил Уэйн.

– Не перебивай меня, пацан! Чтобы ты, надоедливый, чересчур нравственный любитель пихать занозы мне в зад не ныл всю дорогу, я это говорю! Ты! Мой! Друг! Доволен?! Ты счастлив?!

– Более чем, – улыбнулся ильгала.

– Я не предаю никого из нашего отряда! Мы Длань ТЛЕННОГО Короля, и я обещаю, что не кину, не обману и не обведу вокруг пальца никого! Я не стану врать и искажать факты, даже если буду выглядеть, как сельский мальчишка, которому хочется выполнить подвиг! И да, Польдаар Джуно и Уэйн Айнроус. Вот такое вот я говно! Я буду упираться до последнего, лишь бы не бегать по всему свету ради подвигов! Вопросы есть?!

– Нет, никаких вопросов, – хором проговорили клятвопреступник и непрощённый.

– Тогда не будем терять время. Пошли внутрь.

И распахнул он дверь корчмы Кернила.

Изображение 3: Кольцо Краунфара

Предание второе: бич

Его слёзы исцеляют раны наших храбрых воинов, а его священное пламя согревает даже в холоднейшие ночи. Поначалу мы не верили, что Браан-ву может нести добро, но увидев, как жидкий огонь струится из его глаз, мы отбросили все сомнения. Граате-Корру оплакивает наши грехи каждый день. Он несёт тяжкое бремя – олицетворяет сторону света... Сторону Богов! Они восседают на небесах и вершат священный суд, покуда Граате-Корру защищает добро и справедливость на земле. Своими крыльями он создаёт жизнь. Там, где не так давно была пустыня, подле его поступи отныне течёт ручей. Деревья растут до облаков, а горы хранят в себе драгоценный металл. Плачущий Браан-ву – наш защитник и верный друг!

Так вы говорили, пока он был жив? Почему не спасли его?! Почему бросили умирать во тьме, дав Янцу-Корру свободу?! Это вы виноваты! Вам не хватило терпения и отваги устоять на своём посту и сохранить Священное Слово! Не я, а вы дали его произнести! И теперь вы судите меня как аколита зла и насмехаетесь! Одно Слово было сказано! Осталось второе! Вы и его упустите! Не сможете защитить, покуда ищите виноватых! Семья Ванхейм,

семья Долотес, Найли, Погавер и Меренодс – я предрекаю ваше поражение! Один за другим избранные вами хранители склонят голову перед вместилищем зла и отдадут фрагменты второго Священного Слова! Не в этом поколении, так в следующем! Ваш бич уже вознёсся над вашими спинами!

Последняя речь отца Крагаса. Суд под горой Талобриджа. Конец летоисчисления старых гинов.

Глава 4. Совет

Лавгут Орнийский и Доминес Клемент.

Пятый день пятого месяца.

События разворачиваются спустя некоторое время после разговора Равуса и Короля Халлендора.

Выслушав просьбы народа и пообещав исполнить каждую, Лавгут с чувством исполненного долга направился ко дворцу вместо с Клементом. Советник говорил о значимости текущего дня и вскользь упомянул скорый ремонт западного крыла обители короля Халлендора. Краунфар представлял собой двенадцать башен, соединённых лестницами, мостами и высокими стенами. Он больше походил на оборонительный форт, нежели на замок, однако покрывавший его фасад золотой орнамент говорил о знатной принадлежности здания.

Павший тиран Арвольд был помешан на золоте и пытался украсить им всё вокруг себя. Потолки, стены, одежды и даже оружие – ничто не оставалось без его внимания. Когда Орнийский пришёл ко власти, он в первую очередь пожелал избавиться от блестящих слабостей своего предшественника. Благо, совет Халлендора быстро отговорил Лавгута, якобы образ Краунфара стал для людей привычным и негоже отбирать у них чувство осознанности. Мудрый король, разумеется, согласился. Он вырвал драгоценные камни из своей короны в знак нерушимости принципов, приказал расплавить золотой трон Арвольда и отлить себе новый – из рабочего железа. Так узурпатор показал, что ничем не отличается от простого народа и своей царской мантией соприкасается с грязным инструментом кузнецов и землепашцев.

Эта же мантия тащилась по полу из расписной мозаики, кой Орнийский ругал каждый божий день. Письмена о былых заслугах старых гинов на языке Якора Дул'Атанджа, украшали комнаты Краунфара и били по самолюбию Лавгута. Ему было привычнее считаться с принципами новых гинов – просвещённых о добродетели высшего бога Солнцеликого Бастиона Аураса. Его учения отражали мирские взгляды короля Халлендора: стремление к свободе церкви, доблестный бой, где всем носителям волшбы найдётся законное место, и уважение к чистым помыслам, положенным самим Бастионом. Всё это Лавгут без усталости продвигал в массы, будучи старым гинном, тем, чей род начался до гибели Граате-Корру. Близкий друг короля Доминес частенько подмечал оную деталь, но старался не давить слишком сильно, ибо шутки про родственников в стенах королевства не приветствовались.

Стоит отметить, что и самого Клемента не устраивали виды Краунфара, так полюбившиеся жителям столицы. Везде набившее оскомину золото, уродливые портреты предков Дул'Атанджа, коих больше сотни, и высокие потолки – даже великану до них не дотянуться. Слугам приходилось брать лестницы, дабы озарить помещения новым пламенем, когда жизненный цикл комнатных свечей подходил к концу.

И тем днём Лавгут заметил, как свой краткий путь заканчивало трио огоньков на длинном столе совета короны. Обширный зал в центральной башне замка был мрачным местом, ибо обсуждаемые дела не должны были его покинуть ни одним известным способом.

Орнийский занял место в конце стола, откуда мог разглядеть всех собеседников разом, кивнул Клементу, расположившемуся по правую руку от него, и поприветствовал присутствующих.

– Доброго дня, Мэйлор Янош, Гирник Тер'Йолиг и достопочтенная Леди Астарта Клемент.

Вглядываясь во фреску на потолке глазами цвета дымчатой бирюзы, она сидела по левую руку от короля и не обращала внимания на слова приветствия. Законная супруга Доминеса

Клемента, прозванная Блаженной, – самая красивая женщина во всём Халлендоре. Астарта принадлежала к роду новых гинов, как и её муж. Она родилась в Мауторне и в возрасте семнадцати лет покинула родину город Мортримм – столицу горного королевства, став частью политического правления Сангерхъема. Спустя ещё два года в девичестве Рейдиант стала Клемент. Доминес долго добивался руки и сердца девушки, поскольку при данной ей красоте и семейных богатствах, та могла избрать любого мужчину.

Её длинные золотистые волосы казались даром самого Бастиона Ауроса, а манящие губы в форме сердца, безупречные в каждой детали, так и просили слиться с ними в страстном поцелуе. Когда знатные мужи Халлендора видели Астарту на королевских раутах, они с трудом сдерживали себя, пока разглядывали изящную мечту в шёлковых платьях. И нет более смысла подбирать громкие эпитеты, коих уже сказано с избытком, достаточно представить себе фигуру, лишённую любых изъянов. Эта была Леди Астарта Клемент, тем не менее... Блаженная.

Так её прозвали в народе. Отрешённая от мирских проблем, она всегда смотрела куда-то вдаль, и лицо её было лишено всяких эмоций. Однако в час нужды, когда государство приближалось к критической точке, Астарта могла заговорить всего один раз и тем самым спасти жизни тысяч граждан. Поэтому жена Клемента стала частью совета короля.

– Как твоё самочувствие, муж мой? – тихо молвила сладкоголосая.

– Сегодня я как восемнадцатилетний мальчишка. Спасибо за беспокойство, моя дорогая. Приступим к обсуждению, господа? Король не может тратить на нас много времени.

– Безусловно, приступим, – хором проговорили Гирник и Мэйлор.

Последний являлся уроженцем Тсандера и Всеотцом¹² Академии кудесничества Халлендора. Мужчина рода старых гинов сорока лет от роду, с чёрными волосами до плеч и карими глазами, неизменно одетый в шёлковую мантию с отблеском солнца. В ней он смотрелся даже солиднее Лавгута в королевских доспехах, однако не этим был знаменит облик Мэйлора. Его квадратный подбородок, ставший объектом легенд, выпирал вперёд, аки третий кулак, придавая силуэту Яноша излишнюю мужественность.

Все считались со мнением Всеотца, и все члены совета уважали его.

– Полагаю, мы будем обсуждать неприятную тему, – продолжил Орнийский. – Самоубийство Горни Балдура. Поистине ужасная новость... Я до сих пор пребываю в неверии. Он был моим хорошим другом и достойным союзником короны. Весть о столь жалкой и греховной смерти сводит меня с ума.

Дождавшись, пока король закончит, Мэйлор Янош молвил слово:

– Ваше Величество, мы собрались по другому поводу. Ваш давний товарищ герцог Мир'Ошерн найден мёртвым в собственной опочивальне. Он выпил яд, мой король.

Всё сказанное Всеотец произнёс без колебаний.

– Я решил поделиться новостью сразу, Ваше Величество. Нет смысла оттягивать неизбежное.

– Скажи это кто другой, я бы принял весть за плохую шутку, – ответил Лавгут с округлившимися от шока глазами. – Но ты, Мэйлор, не знаешь, что такое чувство юмора. О, Боги! Спаси нас, Бастион Аурос... Как такое могло случиться? Два представителя знатной крови убили себя? Кто-нибудь виделся с Мир'Ошерном накануне? Он говорил что-нибудь важное?

– Он сказал, что планирует съездить в Порт-Бьён по делам, – отозвался усач Тер'Йолиг, глашатай Сангерхъема. – Мир'Ошерн выглядел бодрым и жизнерадостным.

– А потом выпил яд?

Орнийский раскинул руками в стороны.

¹² Всеотец – высший церковный чин, даруемый главам академий кудесничества.

– Так не бывает! Люди не убивают себя просто так! Это явное убийство! Те, кто знали Мир’Ошерна, как я, точно скажут, что для его семьи это настоящий позор! Яд – оружие женщины! Славный муж скорее пронзил бы себя мечом!

– Это ещё не всё...

Тон голоса Мэйлора передавал его серьёзный настрой.

– Госпожа Ламивилла тоже мертва. Она на глазах у мужа сожгла себя в амбаре. Вместе с лошадьми, подаренными семье Бро’Керин на годовщину свадьбы Вашим Величеством.

– Ты сейчас пошутил? – Лавгут противоречил себе. – Я знаю, что сказал только что, но, Мэйлор, ты пошутил?

– Нет, Ваше Величество, – ответил тот, положив руки на стол. – Я уже не в том возрасте, чтобы отпускать шутки про смерть. Это третье загадочное самоубийство за последние три месяца. Мы крайне обеспокоены, но наши рты на замке, как и полагается. Мои кудесники бдят за тихим сном простого люда, однако скоро правда всплывёт наружу. Мы должны выработать стратегию дальнейшего поведения. В первую очередь, нельзя поддаваться панике.

– Именно поэтому я не дал вам ввязаться в авантюру с Вал’Гавсми, – вставил Клемент, слегка наклонившись к королю. – У нас есть куда более важные проблемы.

– Доминес прав, Ваше Величество. Я и мои соратники склонны полагать, что это только начало. Волна зла накрывает знатный род гинов. Некто затаил злобу на правление Халлендора и явно не отступит без боя.

Лавгут был не из робкого десятка и, встав из-за стола, обнажил Флерсенблад, готовый сразиться с любым врагом:

– Тогда мы дадим ему бой!

– Не всё так просто, – бросила Астарта и мгновенно привлекла к себе внимание совета. – Наш враг, если он существует, использует не грубую силу.

– Поясни, дорогая моя. Что ты имеешь в виду?

Тут Леди Клемент отвлеклась от любования фреской и посмотрела в глаза Доминесу.

– Он выставляет убийство как самоубийство, стало быть, не обладает достаточной силой, чтобы атаковать в открытую. Лишённый силы тела, он орудует силой разума. Мы должны выманить нашего врага, но для начала нам нужно связать три имеющиеся смерти воедино. А, может быть, даже больше...

– Больше жертв?!

– Да, мой Король. Напомню вам, что в районе Ветряных Мельниц пропало уже пять людей. Все исчезновения были накануне гибели наших добрых друзей, и если вы обратите внимание на эти инциденты, то поймёте, что каждый из погибших часто гостил в районе Донсо Четырёхпалого. Вероятно, наш преступник скрывается там.

– Хм... Ты сказала, что необходимо связать жертвы между собой, и уже дала нам неплохую зацепку, – подчеркнул Лавгут, заточив Флерсенблад в ножны. – Думаю, это по твоей части, Доминес. Я поручаю тебе поиск информации о переписках усопших. Я хочу знать, куда они отправляли письма и кому. Вороны Сангерхъема отмечены печатью кудесников, и если знать, как, то их можно отследить. Ты справишься?

Широкая улыбка на лице Клемента говорила о его настрое:

– Шутишь? Чтобы я не справился? Это лёгкое задание!

– Спасибо, мой друг. Не знаю, что бы я без тебя делал. Мэйлор, тебе я поручаю разобраться с ситуацией на Ветряных Мельницах. Астарта никогда не ошибается, и я уверен, что ты найдёшь связь между исчезновениями и самоубийствами.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

– А теперь ты, Гирник.

Тер’Йолиг тотчас оживился, потеряв усы.

– Тебе необходимо составить список потенциальных жертв – всех представителей знатной крови в Сангерхъеме и их ближайших соратников. Если мы будем действовать на опережение, то, возможно, спасём жизни. Сколько времени у тебя займёт выполнение этого поручения?

– Два полных дня максимум. Я очень хорошо знаю город и быстро справлюсь. У меня как раз есть парочка хороших идей, и я хотел бы их реализовать.

– У всех есть задача, кроме Астарты, – подытожил Орнийский. – Но она и так уже слишком много сделала для нас. Она задала нам направление, как и всегда, поэтому я даю Доминесу дополнительное задание. Проследи за комфортным досугом, жены, мой друг.

Клемент было хотел прыснуть шуткой в ответ, но его опередила Блаженная:

– Это я слежу за комфортом моего единственного и неповторимого. В последнее время только сок ягоды марики может успокоить его нервы.

– Нервишки шалят, Доминес? – без промедления спросил Лавгут, улыбнувшись.

В ответ и сам советник оголил свои блестящие тридцать два зуба.

– Это всё возрастное. Вы проходили через это, и теперь я прохожу. Со всеми мужчинами это рано или поздно бывает. В любом случае я вечный слуга короны, и даже проблемы со здоровьем не мешают мне исполнить долг.

Воодушевившийся Лавгут стукнул себя кулаком по груди в знак признательности, и сел на положенное место. Он думал, что это конец собрания и можно распускать друзей по их делам, но не тут-то было. Предупредив совет короны тремя стуками в дверь, в комнату вошли двое. Пот ручьём стекал по их лбам, а веки нервно подёргивались – посетители явно пришли с плохими новостями.

Орнийскому снова пришлось встать.

– В чём дело, Локер?

Молодой человек, названный по имени, боялся заговорить. Одетый в белую мантию кудесника, коим он являлся с семи лет, как и все остальные ученики академии Мэйлора Яноша, он пытался укрыть эмоции за капюшоном, но тому не хватало длины, чтобы спрятать глаза. Спутник Локера, простой торговец большого рынка Сангерхъема, дёргал его за рукав, подначивая начать диалог.

– Ваше Величество!

Парень сделал низкий поклон.

– Умоляю простить за меня за столь наглое вмешательство, но я пришёл к вам с двумя новостями, и обе плохие.

– Двумя плохими новостями... Что сегодня за день такой?

Лавгут посмотрел на Клемента, пожавшего плечами.

– Говори, Локер, я тебя слушаю. Кто твой спутник?

– Это Десмер, Ваше Величество, он торгует фруктами на большом рынке. Там сегодня бандиты Тулиса похитили женщину посреди бела дня! Они ворвались на рынок и забрали торговку рыбой Ламию!

– А ну-ка, не частите, молодой человек! – резко вклинился Доминес, голос которого напомнил тяжкий оползень.

Глаза его покраснели от злости, а ладони дрожали.

– Григоры разберутся с этой проблемой, как только выследят Тулиса! Никто его никогда живую не видел! Это весьма проблематично – искать того, чьё лицо неизвестно!

– Но мы знаем, где скрывается Тулис, сэр Клемент. Он на Слезливой Топи. Мы были там весь день и случайно увидели отряд в капюшонах с нашивками. Мы проследили за ними почти до самого логова...

Агрессивно настроенный советник сам понял, что его гнев абсолютно неуместен. Приняв из рук жены чашу, до краёв наполненную ранее упомянутым соком марики, он сделал несколько глотков и вернул себе самообладание:

– Как интересно... Вы случайно увидели бандитов? – спокойно спросил Доминес. – И что же вы двое делали на Слезливой Топи весь день? Народ был у кольца Краунфара, а вы просто гуляли? Локер, ты ведь первый помощник Мэйлора. Почему ты был не с ним?

Тут двое вестников переглянулись, зная, что им придётся говорить только правду.

– Наверное, стоит сказать всё как есть. Мы охотились на клыкача, сэр Клемент.

– Выходит, у твоего друга свадьба и... – не закончив мысль, Доминес рассмеялся. – Хах-хах-ха! Ну, не может же кудесник первого кольца жениться?!

– Это не имеет значения, – заявил Лавгут. – Я верю Локеру и немедленно пошлю отряд вместе с ним. От прогулки по Слезливой Топи никому плохо не станет. Ну, поплачут чуток из-за испарений... Ничего страшного. Этот вопрос решён. Какая вторая новость?

– А она не для вас, Ваше Величество. Эта новость касается Всеотца.

Услышав своё громкое звание, Мэйлор тотчас пронзил юного кудесника взглядом.

– Объяснитесь, Локер из Сангерхъема.

– Разумеется, Всеотец, – молвил кудесник, склонив голову. – Тигиан Янош, кровный сын вашей святости. Он поднял шумиху недалеко от Церкви Солнцеликого Бастиона Аурора и опять угодил в беду.

– Не опять, а снова, – отрезал глава академии. – Ну, и что на этот раз? Он кому-нибудь нагрубил? Выказал неуважение или ввязался в драку? Тигиан – мой сын и мой вечный позор... Если бы Солнцеликий Бастион Аурор наделил его хотя бы половиной мудрости его матери, мне бы не пришлось краснеть на наших собраниях. Прошу извинить меня, Ваше Величество... Я должен идти.

Мэйлор встал и аккуратно задвинул стул.

– Увы, но меня вызывает семейный долг.

– И я отпускаю тебя, мой друг, – легко и непринуждённо ответил Орнийский. – Все роли распределены, и мы знаем, что нужно делать. Собрание окончено. Увидимся завтра, как положено. Всем спасибо.

Изображение 4: Леди Астарта Клемент

Глава 5. Тигиан Янош

Мэйлор и Тигиан Яноши.
Пятый день пятого месяца

В смутные времена старых гинов, ещё до падения Граате-Корру, на поле брани плечом к плечу могли сражаться лишь носители «меча» и «щита» – те, в чьих жилах струилось искусство войны. Тогда боги предпочитали молчанию слову, железная воля была не более чем инструментом, а волшбе – древней силе, позволявшей контролировать тайное знание, не давали занять своё заслуженное место. Народ земель Драо попросту не умел её использовать, но с наступлением эры новых гинов пришли большие перемены.

Вот уже пятьсот лет кудесники, чаровницы, элеманты и повелевающие костями несут бремя ответственности, ибо они последний аргумент в битве. Носителям волшбы дарованы удивительные возможности: создавать самые разные предметы из воздуха, управлять стихиями, накладывать обереги и проклятья, слышать богов и даже возвращать мёртвых к жизни. С каждым годом их мастерство растёт, дополняя научные писания новыми строками, но сколько бы времени не прошло, гины продолжают спорить, откуда именно пришла таинственная волшба.

Некоторые особо упрямые верят, что всему виной замысел Солнцеликого Бастиона Ауроса, не желая замечать явное противоречие в этой шаткой теории. Если отбросить фанатичную веру и включить голову, станет ясно, что высший бог покровительствует только кудесникам, коими становятся исключительно мужчины. Женщинам она волшба недоступна как ни старайся.

Другие любители потрепать языком строят догадки насчёт дара леди Мезайи – богини удачи и обещания. Они с пеной у рта доказывают её причастность к рождению волшбы, оперируя нескладными аргументами столетней давности, и тоже изо всех сил не обращают внимания на очевидное: великая Мезайя указывает праведный путь лишь чаровницам – представительницам прекрасного пола. Мужам в угоду ограничений равновесия полов, диктуемых самой Вселенной, увы, не обуздать мощь школы мастериц симмулякрии – искусства влияния на судьбу человека.

Но, несмотря на абсурдность вышеописанных теорий, у них есть сотни тысяч сторонников в отличие от третьей непопулярной точки зрения – истовой веры в Шестикрылого бога, дарующего свою метку избранным. Старые гины смотрят на это течение свысока, считая его последователей глупцами и мечтателями, однако за долгие годы таковые не сошли с намеченного пути. Они никому не навязывают своё мнение, держатся особняком и называют весь окружающий мир неким «Стратумом» – слоем реальности.

Как бы то ни было, история обязательно всех рассудит, а заумные тексты для того и написаны, чтобы отвечать на вопросы. Тайны кудесничества и чарованья значатся в длинном списке первыми – их необходимо развоплотить здесь и сейчас. Элемантия Кириан-Волша немного подождёт, а богомерзкий Некрос лишний раз упоминать не стоит, ибо искусство повеления мёртвыми запрещено во всём Драо. Но даже его время придёт...

Каждое направление волшбы имеет свои преимущества и недостатки. Например, силы чаровниц напрямую зависят от их воли к победе. Храбрые женщины в серых накидках с изоб-

ражением рогов горного оленя готовы окунуться в омут сражения, не думая о последствиях. Это главное их преимущество и одновременно главная слабость, ведь стоит последовательнице леди Мезайи испытать страх или разувериться в победе, как чары тотчас ослабевают, угасая, словно тлеющие угли.

Множество раз, начав постигать догматы богини удачи и обещания, молодые девы сворачивали с выбранного пути, осознав, что он им не покорится. Отсутствие внутреннего стрелка-воина ставило крест на их стараниях. Лишь те избранные, кои выдерживали испытания до конца, прощались с сомнениями и становились истинными защитницами справедливости.

Но какими методами чаровницы отстаивают её по сей день?

Для укрепления воли в бою они используют рифмы-импровизации, выкрикивая их каждый раз, когда пускают в ход свои удивительные возможности. Самые талантливые девушки умудряются зачитывать стихи прямо в лицо врага, а элитные отряды мастериц симмулякрии на служении у властителей Четырёх Королевств, поют полноценные гимны, сложенные специально для крупных сражений. Порой кажется, слишком много усилий требуется для овладения оной волшбой, но в конце концов старания вознаграждаются.

Чаровницы могут применять чары как против врагов, так и для усиления себя или союзников. Вот самые простые примеры: укрепление доспехов благословенной аурой прочности, ускорение рефлексов с помощью краткого заговора, нейтрализация ядов, аура игнорирования боли, создание холодного оружия буквально из воздуха, «силовая волна», сметающая всё на своём пути, и многое другое, применяемое в открытом поединке.

Когда же ярость войны утихает, сложив мечи подле благоразумия или хитрости, в ход идут бесконтактные чары: «проклятие немощности», мраковая порча и знаменитая во всём Драо «чумная ловушка», устрашающая врагов незыблемой справедливости даже в их собственном ложе.

Вероятно, чаровницы не удивят вас яркими цветами волшбы, но, поверьте на слово, встречу с одной такой вы никогда не забудете.

В противовес сдержанным представительницам прекрасного пола мужи-кудесники просто обожают распускать на поле брани пышную драматургию. Они черпают силу у солнца, которое для них инструмент как для атаки, так и для защиты. Кудесники способны создавать ручные молнии, быстро исцелять несмертельные раны теплом небесного светила, поднимать золотые щиты и испускать лучи благодати, испепеляющие всех тех, кто не чист сердцем.

В дневное время последователи Бастиона Аурора гораздо сильнее, чем в ночное. Когда дар высшего бога покидает небосвод, мужи в белых мантиях полагаются на специальные браслеты у себя на запястьях. Выкованные из драгоценного металла таннура¹³, эти украшения в течение дня впитывают солнечную энергию и позволяют её использовать. При острой необходимости... Запаса света в браслетах вряд ли хватит на продолжительный поединок, но кудесники и не привыкли к подобному. С первых годов обучения их тренируют заканчивать противостояние как можно быстрее. Здесь логика проста: одно движение приравнивается к малой победе. Кудесник не имеет права на промах. Он бьёт метко во славу Бастиону.

Всё вышеописанное звучит крайне интригующе – задаёт почву для размышлений о немислимой мощи, колоссальных привилегиях и невероятной власти. Трудно представить себе человека, не осознающего груз ответственности. Волшба даёт очень много, но даже среди её избранных найдётся тот, которому мало. Некий жаждущий приумножить своё могуще-

¹³ Таннур – в переводе с языка старых гинов «тронутый золотом».

ство, подняться на ступень, недоступную плебсу. Именно об этом герое истории сейчас пойдёт речь...

О кровном сыне Мэйлора Яноша.

Мальчишка с белыми, как снег, волосами рос без матери. По замыслу богов или по воле злого рока его воспитанием занимался отец. Он видел в собственном дитя ничем не примечательного послушника академии, кои приходят на обучение сотнями каждый год. Янош младший был предоставлен себе, достаиваясь внимания уважаемого предка лишь с преподавательской точки зрения. Но и здесь были свои особые моменты...

Покуда все студенты прилежно постигали учения кудесничества, Тигиан делал вид, будто у него всё валится из рук. Хитрый двадцатидвухлетний парнишка понимал, что с дурака меньше спроса, а потому никто не стал бы подозревать его в ведении грязных делишек. Сверстники смеялись над ним, напарник ненавидел на каждом совместном задании, а отец иногда посылал лишь сухой кивок, если сын добивался мало-мальски успехов напоказ. Никто не был для отпрыска Всеотца другом, и в этом он нашёл для себя своеобразное испытание. Он смиренно ждал и усердно работал, окружённый комфортной легендой кудесника-неудачника.

Янош младший готовился продемонстрировать миру данное ему величие – в один прекрасный день.

Его амбиции казались безграничными, однако внешность – издёвка богов – им не соответствовала. Вопреки ожиданиям всего царского двора Тигиан Янош не унаследовал красоты своего отца. Со втянутой в плечи шеей, бледный, точно моль, и болезненно худой, он сутулился, дабы скрыть за длинными волосами уродливое лицо. Едва кто-нибудь из знакомых упоминал имя парня вслух, все сразу вспоминали его кривой нос, впалые щёки и этот отвратительный будоражающий рассудок, смехотворный в глазах богов тщедушный подбородок. Воистину, праздные небожители поиздевались над главой академии, послав ему столь безобразного наследника. Единственным спасением холста его неприглядности были удивительно яркие жёлтые глаза, как у горной лисы, обрамлённые длинными ресницами. Они несли тяжкое бремя, передавая всю суть своего обладателя: он не так прост, как кажется.

Последний раз его имя прозвучало, когда Локер сообщил скверные новости на собрании совета короны. Оно завершилось уходом Мэйлора, кой спешно покинул Краунфар. Направившись вслед за отрядом григоров, Всеотец уже знал, с чем ему предстоит столкнуться: недалеко от церкви Солнцеликого Бастиона Аурора один наглый юнец, орудуя острым словом, оскорбил сына герцогини Ми'Валетт, назвав того «язвой на теле мироздания».

Это оскорбление было прилюдным, пришлось кстати и било гораздо сильнее клинка или булавы. В отместку Матиар Ми'Валетт ударил Тигиана в живот и, почувствовав своё превосходство, начал красоваться пред уличной толпой, окружившей место действия:

– Как вам?! С одного удара упал! Вот так и лежи! Где теперь твои замечания, ты, гадость?!

Статный молодой человек в красном кафтане постоянно оглядывался по сторонам, вопрошая мнения свидетелей, среди которых были его друзья. Три паренька в высоких шляпах кивали в ответ сыну герцогини и рассчитывали на одобрение. Прикажи им Матиар присоединиться к драке, они бы без вопросов согласились.

– Я тут подумал, – продолжал Ми'Валетт. – Наш Тигиан всё время такой борзый, но при этом сутулится, как последний задохлик. Какие-то нескладушки получаются... Что с тобой такое? Ты понимаешь, насколько ты уродлив? Наверное, твои волосы прознали это раньше тебя, потому-то они и поседели!

Подпевалы Матиара засмеялись во весь голос, как по команде. Их оттопыренные пальцы и громкий свист воодушевляли сына герцогини на новые свершения. Купаясь в признании друзей и простых прохожих, коих хлебом не корми, дай зрелища, он даже не задумывался, что Тигиану его остроты не пришлись по вкусу.

– Седые волосы? И это весь твой потенциал? Очевидное замечание? Я оскорблён одной простотой...

Голос Яноша младшего по-настоящему завораживал. Низкий, текущий из глубин горы, он будто вибрировал, аки щит, под гнётом стрел и мечей. Этот глас абсолютно не подходил своему носителю – таким можно было толкнуть на мятеж или предательство, разорвать узы полувекового брака или заставить поверить в ересь.

И Тигиан знал, чем его наградили боги – воспользовался даром по назначению:

– Спрашиваешь, почему я прячу лицо? Почему сгибаюсь? Я отказываюсь верить, что такое никчёмное тело досталось такому, как я. Меня раздражает это несоответствие. На мнение других мне плевать.

– Не нравится смотреться в зеркало, Янош? – спросил сын герцогини, хихикая. – Чего тогда меня оскорбляешь?

– Потому что ты никчёмный кусок дерьма, – спокойно ответил кудесник. – Ты жалок... Мне неприятно даже стоять рядом с тобой. Ты безнадежно глуп, и, если однажды в твои руки угодит книга, она сгорит от стыда. Я гожусь в герцоги, а не ты.

Точно по щелчку пальцев лик Ми'Валетта покрылся багрянцем. Набравши полную грудь воздуха, он подбежал к Тигиану, кой неподвижно лежал на земле, и приготовился добить его сокрушительным ударом на радость кровожадным наблюдателям.

– Ну, всё! Сейчас я тебя искореню из мира! Молись всем богам!

Толпа была заранее готова чествовать победителя, как вдруг, пробившись сквозь занавес длинных волос, того встретил блеск золотоносных очей. Матиар оторопел, увидев их. Этот непоколебимый взор был лишён тени страха или сомнения.

– Искореню? Надо же, какой замысловатый слог... Беру свои слова обратно – ты не безнадёжен.

Всё это время Тигиан прятал руки под мантией кудесника и смирно ждал. Едва на горизонте замаячила удачная возможность, он перехватил устремившуюся к нему ступню, вывернул её с громким щелчком и, наслаждаясь истошным криком жертвы, почти незаметно улыбнулся.

Когда Ми'Валетт упал, Янош возвысился над ним.

– Несносная челядь! – прогремел сын Всеотца. – Когда умный человек делает тебе замечание, принимай его!

Ботинок кудесника с силой врезался в лик того, кто поменялся с ним местами.

– Принимай! Принимай, жалкая дворняга! Это испытание! Я – Тигиан Янош – даю тебе его! Принимай! Ну же!

А затем ещё раз и ещё, до тех пор, пока землю не забрызгало кровью. Случайные свидетели ахнули, объятые ужасом, а друзья Ми'Валетта боялись сдвинуться с места, дабы не стать следующими жертвами. Жалкий доходяга казался им непреодолимой горой.

– Принимай! – выкрикнул он и прекратил наносить удары пятой. – Вот так! В следующий раз я не буду к тебе добр! В следующий...

– Тигиан Янош!

Властный глас Мэйлора раздался на всю округу. Вместе с григорами он прибыл слишком поздно, оставил своего коня посреди улицы и дал разбушевавшемуся отпрыску пощёчину.

– Что ты себе позволяешь? – глава академии старался говорить сдержанным тоном. – Матиар – сын герцогини Ми'Валетт, и мы с ней в хороших отношениях. Чем вызвано это обескураживающее событие? Говори же...

– Я хотел преподать ему урок, отец, но вместо благодарности он накинулся на меня с кулаками. Это неправильно – отмахиваться от руки подающей, и поэтому я наказал его по всей строгости.

– И этот твой урок стоил того? Дай угадаю... Разумеется, нет. Твои извращённые взгляды на жизнь, Тигиан Янош, – это наказание богов. Прикладывай ты хоть половину усилий во время обучения, быть может, сдвинулся бы с мёртвой точки. Ты по-прежнему самый слабый из всех кудесников моей академии. Где твои браслеты, сын?

– Там, где им положено быть, – сказал Тигиан, задрал рукава. – Ещё вопросы будут?

– Мы поговорим с тобой в академии, а сейчас немедленно извинись перед Матиаром. Проси у него прощения на коленях. Я разберусь с его матерью, ибо, видят боги, если ты появишься у неё на глазах, она свернёт тебе шею.

Поняв наказ отца, неприглядный отпрыск сделал шаг назад и осмотрелся. Он увидел свидетелей происшествия, строивших догадки о том, что будет дальше – они переговаривались, не сводя глаз с беловолосого кудесника.

Тот слегка прикусил нижнюю губу, медленно опустился на колени и, держа ладони над Матиаром Ми'Валеттом, отчеканил извинение:

– Прошу прощения за содеянное. Я должен держать себя в руках и проявлять уважение. Этого больше никогда не повторится.

– И это всё?! – закричал герцогский сын. – Он мне несколько зубов выбил! Он чудовище, Всеотец Янош! Сам оскорбил меня, а теперь делает вид, будто ни в чём не виноват! Это просто несправедливо!

– Поверьте мне, молодой человек, я разберусь с Тигианом и накажу его по всей справедливости. Таковы законы Солнцеликого Бастиона Аураса, и я не смею их нарушать. В стенах академии за моим сыном присмотрят, а сейчас позвольте помочь вам подняться.

Старший Янош обхватил бедолагу Матиара своими сильными руками и отвёл его к лекарю, отказавшись от посторонней помощи. Народ восхищённо охал, наблюдая эту картину, а младший Янош тем временем удалился с поля уличной брани. Укрытый капюшоном, он ловко протиснулся меж зеваками и сел в набитую запасами продовольствия торговую повозку, что направлялась к академии.

Свежеиспечённый хлеб и малиновое варенье источали приятный аромат, соблазняли. Любой дворовый мальчишка на месте Тигиана украл бы парочку сдобных булок, но только не он сам. Его гордость не позволяла совершить столь жалкое преступление. Воровство – это удел низжайших членов общества, а молодой человек с громкой фамилией Янош таковым себя не считал. За несколько сотен метров до цели, когда стража академии замаячила на горизонте, он с пустыми карманами прыгнул с повозки, но оставил прощальный подарок – крошечное огниво в одной из корзинок. Их содержимое мигом вспыхнуло ярким пламенем, как и улыбка на лице отпрыска Всеотца, ушедшего незамеченным.

Он решил не спешить с возвращением к кудесническому обучению. Свернув в подворотню, миновав дом бронника и лавку причудливых картин Фиркле, где последнего покупателя видели неделю назад, Янош добрался до заброшенного дома. Его стены покрывала зола, а полы утонули в пыли. Несколько лет назад несчастный случай забрал семью владельца этого двухэтажного сооружения, и с тех пор оно пустовало, служа бездомному люду редким ночлегом и собирая прожорливых крыс.

Но теперь это было убежище Тигиана. Точнее, вход в него.

Отодвинув замаскированный досками люк, кудесник спустился под землю. Взял фонарь, дабы осветить дорогу, и медленно зашагал вперёд. Тайный проход представлял собой длинный туннель, укреплённый колоннами, настолько тёмный, что за всё время его существования туда ни разу не проник уличный свет. Здесь, в окружении тишины и сырости Янош мог насладиться собственными мыслями:

Мэйлор – полный идиот, если пресмыкается перед этой челядью. Ми'Валетты – мусор. Они не заслуживают права даже быть похороненными, как люди. У них нет ни ума, ни чувства прекрасного... И как такие жалкие насекомые примкнули к халлендорской знати? Скорее

всего, я никогда не получу ответ на этот вопрос. Это уже неважно... У меня есть цель, и отец не помешает мне. Напротив, он даже поможет. Этот болван не подозревает, что он всего лишь пешка, и, пока его послушники чувствуют Ауросу, я приближаюсь к становлению богом.

Тигиан добрался до тупика.

На первый взгляд могло показаться, что туннель закончился оным, однако хозяин здешних мест знал их секрет. Прикоснувшись к участку стены перед собой, он нажал на невидимый глазу рычаг, и дверь в тайную алхимическую лабораторию отворилась. То было весьма обширное помещение. Вдоль стены напротив входа располагались четыре резервуара из прочного стекла, наполненные бурлящими водами, где деформированные тела жертв экспериментов безмолвно молили о завершении своих мучений. Каменный стол в центре комнаты захламляли сосуды с неизвестными жидкостями, расчерченные на полу письма хранили секреты древних ритуалов, а в темнейшем углу лаборатории стояла клетка.

В ней томила девушка, держащая грудного ребёнка.

– Простите, что так долго, Омивия. У меня появились неотложные дела.

Она смотрела на него. Видела, как Тигиан вешает одежду на крючок у входа, и боялась издать хотя бы звук.

– Никогда не понимал людей, кичащихся своим положением в обществе. Зачем эти громкие речи, когда ты простой смертный? Я ведь прав?

Она кивнула. Не знала, можно ли поступать иначе.

– Ваш малыш, наконец, успокоился? Выходит, моя стряпня пришлась вам по вкусу. Дети плачут, когда их мать голодна. Жаль только они не чувствуют жалости – ими руководит страх.

– О чём вы? – не удержалась Омивия и тотчас пожалела об этом.

С её лба стекла крупная капля пота, ибо Тигиан приблизился к клетке вплотную. Сев на корточки, так, чтобы чётко видеть лицо девушки, улыбаясь, кудесник облокотился на холодный металл.

– Ребёнок не испытывает настоящих чувств до одиннадцати лет. Он думает лишь о себе, и, если вы плачете, ему страшно, потому как он боится потерять кормилицу. Я узнал об этом, когда проводил свои исследования... Пришлось пожертвовать несколькими бездомными детишками, но оно того стоило. Теперь я многое знаю.

Тигиан выпрямился. При Омивии сын Всеотца никогда не сутулился.

– В любом случае... Это уже не важно. Ваш ребёнок не знает, что такое любовь, и никогда не узнает.

– Пожалуйста, не убивайте его! – закричала она. – Умоляю! Я всё сделаю! Я буду участвовать в ваших опытах!

Янош вновь улыбнулся, сверкнув золотыми глазами. Их зловещий блеск напугал ребёнка и лабораторию заполнил его плач.

– Обещаю вам, Омивия, я не убью вашего малыша. Даже у меня есть предел, и для достижения своей цели я его не нарушу... Вы не в курсе, но всё, что я делаю, поможет мне переродиться – стать тем, кем я заслуживаю быть по праву рождения.

И Янош окинул взглядом свои худощавые руки.

– Это убогое тело видится мне прямым оскорблением – оплошностью богов. Чтобы исправить её, я стал изучать волшебство Некрос. Знали ли вы, что она запрещена во всех людских королевствах? Наверное, нет. Куда вам знать, Омивия... «Власть над костями», как её прозвали в эпоху Донала Непреклонного, способна совратить разум кого угодно. Некрос – это живое существо, дарующее невероятную силу.

– Какую силу? – спросила заложница.

– Воскрешение мёртвых, вечная молодость, способность управлять кровью... Согласитесь, Омивия, всё это звучит как минимум многообещающе. Иная волшебство Некросу в подметки не годится. Но тогда почему же искусство смерти запрещено?

Он подмигнул заложнице и продолжил рассказ:

– Увы, все известные миру повелевающие костями сгинули. Некрос пожрал их души. Они были слабы и не справились с дарованным им могуществом. Я – Тигиан Янош – превзойду их всех. Я смогу побороть Некрос. Мне не будет равных ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем...

Янош не хотел выглядеть пустословом в глазах измученной им девушки и продемонстрировал ей кудеснические умения. Он создал руками стабильный сгусток энергии, и, сформировав из него дугу, метнул её в потолок, осветив лабораторию красками золотого всплеска. На подобный трюк у прилежного ученика академии уходили годы обучения, но в случае с Тигианом...

– Впечатляет, не так ли? Мой отец думает, что это высшая степень силы, а как по мне – это ничтожная её часть. Навыки кудесников, которым обучают шесть долгих лет, я освоил за пару месяцев. Я могу убить любого из них, просто щёлкнув пальцем, но тогда мой план развалится на части. Дабы академия продолжала идти в том направлении, в котором я хочу, мне необходимо продолжать в ней обучаться. Поэтому я и строю из себя бездарность.

Подозвав Омивию вплотную к решётке, Тигиан рассчитывал, что ей хватит глупости сблизиться с ним. Он схватил девушку за волосы, заставил посмотреть себе в глаза.

– Я хочу, чтобы вы сейчас разделили со мной осознание моего грядущего величия. Я рассказываю вам обо всём, и вы должны ценить это время.

– Я ценю! Ещё как ценю!

– Вот и отлично... – бросил Янош, отпустив бедняжку. – К вам всё равно никто не придёт. Вы живёте в районе Ветряных Мельниц, а там на жизни людей всем плевать. Донсо беспокоят только хлебные крошки и чарующий дым Модж. Я могу выкрасть хоть полрайона – никто не заметит. Даже плакаты о розыске не помогают положению, ибо за стенами моей лаборатории течёт жизнь неосознанная.

– А как же Лавгут? – взмолилась она. – Мой король не оставит меня!

– Смирись, Омивия, ваш блистательный спаситель слеп. Он больше не тот, что был раньше. Ныне наш король – это просто политическая блудница, которой верят лишь глупцы. Я хочу дать Халлендору и другим королевствам истинного правителя – меня. Но так уже вышло, что я уродился мерзким уродом и сил у меня маловато. Пока что... Очень скоро Некрос сделает меня новым богом этих земель. И для того, чтобы моё превращение началось, мне необходимо быющее сердце, вырванное из груди.

Едва Тигиан закончил речь, он посмотрел на младенца, предвкушая. Вмиг глаза Омивии наполнились неумным ужасом, и она обхватила своё драгоценное чадо, закрыв его собой, как любящая мать. В надежде уберечь единственно важное, заикаясь от страха, девушка напомнила сыну Всеотца о данном им обещании:

– Вы же сказали, что не убьёте моего малыша!

– И я не нарушу данное слово...

Кивнув девушке, он подошёл к столу в центре помещения. Немного поискав среди склянок полных сомнительным содержимым, Тигиан обнаружил подходящий сосуд и торжественно поднял его над головой. Голубое стекло отразило зверскую улыбку, коей молодой кудесник поделился с Омивией. Держа четырёхмесячного ребёнка у груди, она вздрогнула, когда её истязатель вновь вернулся к клетке. Он испил содержимое склянки и молвил приговор – ключ от дверей участи похищенной номер пять.

– У меня есть предел, и я не трону ваше дитя. Я убью только вас. А без матери ребёнок долго не продержится. Когда боги заберут его, обещаю похоронить мальчика согласно традициям. Ради вас и вашего успокоения.

Изображение 5: Всеотец Мэйлор Янош

Глава 6. Голос улиц

Равус Вал'Гавсми, Польшаар Джуно и Уэйн Айнроус.

Пятый день, пятого месяца.

События берут своё начало в корчме у Кернила

Переступив порог корчмы, Равус и двое его спутников осмотрелись по сторонам. В толпе гостей они отыскивали чаровницу по имени Альвия и её спутника магнира. Рослые представители этой расы обычно сразу же бросались в глаза. Их кожа напоминала пласты горной породы. Серая, как небеса перед дождём, она не боялась стрел и холодного оружия. На фоне типичного магнира здоровяк Равус казался не таким уж и высоким. Средний рост каменного великана составлял два с половиной метра, а ширина плеч – полтора. Эти грозные создания вели кочевой образ жизни и редко контактировали с жителями крупных городов, однако Тагок, сын Тавгура был исключением из правил. Вместе с девой Фло'Грат он путешествовал по Халлендору в поисках приключений, и именно сегодня одно из них открыло дверь корчмы рукой Вал'Гавсми.

Он указал на стол в тени помещения и, растолкав танцевавших посетителей на своём пути, проследовал к цели, отодвинул стул и уселся рядом с магниром, чем ни капли не смутил его.

Уэйн и Польшаар, между тем, держались позади.

– Большой человек сесть рядом с Тагок, – проговорил камнекожий здоровяк.

Его голос был чрезвычайно низким, но в то же время приятным. Он стелился, аки трава под весенним ветерком, нескладным слогом оставляя приятное впечатление. Одним своим противоречием перекрывал другое.

– Видимо, большой человек что-то нужно. Тагок быть прав?

– Он всегда так разговаривает?

Равус ответил вопросом на вопрос, взяв кружку с элем из-под носа сына Тавгура.

– Или это просто шутка такая на его языке?

– Меня зовут Польшаар Джуно, простите моего грубого друга, – вмешался ильгала, до того, как Альвия успела отреагировать на неслыханную наглость. – Мы изгнанники, такие же, как и вы. Нас прислал Лавгут Орнийский. Он сказал, что вы навестили его рано утром и просили снять с себя метки.

– Выходит, он передумал? – спросила Фло'Грат.

Её торс надёжно защищал ламеллярный нагрудник, ноги оберегали поножи из плотной кожи с кольчужными вставками, руки снизу вверх до самых локтей окутывали пластинчатые наручи с символикой чаровниц, а лицо и спину накрывал тканевый плащ с капюшоном. Под ним можно было разглядеть только глаза, ибо нижнюю половину лица девушки скрывала кожаная маска. Альвия считала, что для контакта с людьми её карих очей будет вполне достаточно. Их одарённый мягкой красотой взор заставлял всех позабыть о сокрытом и наслаждаться дозволенным.

– Едва помотришь в эти прекрасные глаза, как ничего иного видеть не желаешь, – Непрощённый сделал девушке комплимент и сел напротив неё рядом с Равусом. – Позвольте представиться, леди Фло'Грат. Меня зовут Уэйн Непрощённый Айнроус, а это Равус Вал'Гавсми. Король Лавгут решил пойти нашей пятёрке изгнанников навстречу и сформировал Длань Короля Халлендора – мы её составляющие. Нас ждут подвиги.

– Ясно, даром он ничего не делает, – отреагировала Фло'Грат.

Её голос был нежным, словно лепестки алых роз. Его сдержанность говорила о знатной принадлежности девушки, ставшей изгнанницей.

Подвинув к Тагоку тарелку с жареным цыплёнком, она кивнула напарнику.

– Приступай к еде, мой друг. Я не хочу сидеть здесь дольше, чем нужно.

– А вы, я посмотрю, куда-то спешите? Ваши жопы прям везде приглянулись...

– Равус, ну опять ты...

– Не бзди, Польдаар Джуно. Я держу дела под контролем. Давайте сразу к сути? Альвия, у вас с этими двумя есть нечто общее – жгучее желание избавиться от клейма. Лавгут предлагает решение. Он хочет, чтобы мы исполнили по одному подвигу для каждого из королевств, и тогда он снимет метки.

– Большой человек сказать «у вас с эти двое». Он сам не желать убрать метка?

– Мне на неё насрать, камень. Я преследую иную цель: хочу спасти душу своего брата, которого захватил Янну-Корру.

– Мы об этом уже слышали, – бросила чаровница. – Молва быстро разбежалась по городу. Один землепашец сказал второму, а тот передал третьему. В принципе, ничего нового. Мы узнали о вас всю необходимую информацию пятнадцать минут назад, так что показывайте монету, и мы в деле.

– Вот так просто? – удивился Польдаар, усевшись рядом с Уэйном.

– А какой смысл оттягивать неизбежное? Лавгут поручил дело, мы его исполняем, убираем метку и расходимся. Я не люблю долго задерживаться на одном месте. Монета гарантирует правдивость ваших слов, а, значит, и моё спокойствие. Если вы всё-таки надумаете нас обмануть, Тагок продемонстрирует вам крепость своих кулаков. Я ведь права, мой друг?

– Да! Альвия правильно говорить.

Исковерканная речь магнира резала слух Вал'Гавсми. Он вновь задал вопрос, на который не получил ответ в начале:

– Чего он так разговаривает? Он тупой?

– Тагок, сын Тавгура далеко не тупой, поверь мне. Проблема в том, что язык магниров сильно отличается от нашего. Он очень простой, и при переходе на гинский возникают проблемы. Мы путешествуем вместе два года, и, когда бандиты не дышат нам в затылок, я нахожу время подучить этого милого здоровяка.

– Тагок знать Альвия. Знать и уважать.

– Да что ты, мать твою гнать? А я её пока не знать и не уважать, так что у нас большая проблема. Нате вашу монету, подавитесь...

Нужный предмет упал в центре стола.

– Никто не собирается вас обманывать. Лавгут ясно дал понять – у Длани Короля пять пальцев. Вы нам нужны так же, как и мы вам. Без нас троих вы метки не снимете, а без вас я не разберусь с братом. Вопросы есть?

Пламенная речь Вал'Гавсми на мгновение окунула столик изгнанников в тишину. Пятеро молча переглядывались, гадая, кто же из них первым подаст голос. Уэйн, перекатывая ракушку-талисман между костяшками пальцев, боялся, что предприятие постигнет неудача в самом его начале; Польдаар хотел дать Равусу смачную затрещину от всей души и выпустить пар; сам Избранный Кузней сдерживал гневные позывы, с каждой секундой прибавлявшие нетерпения. Альвия думала о том, как сильно хочет выпить чего-нибудь крепкого и позабывать о проблемах жизни хотя бы на пару часов, а сын Тавгура...

Он решил взвалить на плечи груз ответственности. Тагок всхлипнул своим носом, который напоминал угловатый кирпич, и нахмурил брови, могучим оползнем нависшие над лазурными глазами. Последним была отведена особая роль. Идеально круглые и совсем маленькие, они передавали эмоции магнира, не видевшего никакого смысла их скрывать.

– Тагок понимать, что происходит. Большой человек грубый, но он не злой. В его грудь биться сердце истинный воин. Потому Тагок думать, что можно нам попробовать работать вместе. Но без лишней ругательство. Это Тагок об Альвия говорить.

– А почему ты поставил акцент на мне? – слегка возмутилась чаровница.

– Спасибо! Тагок выучить новое слово «акцент».

Он дружески похлопал её по плечу.

– Тагок помнить потасовка на прошлый неделя из-за острый язык Альвия. И Тагок больше не хотеть участвовать в ненужный драка. Если большой человек ввязаться, то пусть разбираться сам. Тагок пока только за Альвия беспокоиться.

– С его логикой не поспоришь, – согласился Польдаар. – Лишние конфликты нам не нужны. И к чему мы в итоге пришли? Пожмём друг другу руки?

– Да, пожмём...

Фло'Грат вытащила из-под стола походную сумку.

– Я чувствовала, что сегодняшний день преподнесёт немало сюрпризов. Я не знала, чего именно мне ожидать, поэтому решила насладиться хорошей едой в этой корчме. Вы только поглядите... Тагок доволен!

Увидев, как сын Тавгура, причмокивая, пожирает аппетитного жареного цыплёнка, Джуну выдал натянутую ухмылку. Давно бедолага не ел чего-то действительно стоящего, способного порадовать вкусом и утолить голод. В итоге человек-амфибия просто не смог удержаться от колкого замечания в адрес Равуса. Прошептал ему на ухо, дабы никто его не услышал:

– Смотри, а вот у них есть деньги на провизию. Почему у нас нет?

– Гузно от говна протри, – с улыбкой шепнул Избранный Кузней.

Теперь, когда основной вопрос был снят с повестки дня и диалог обрёл свободу, Айнроус решил выступить в качестве направляющего. Исполнение подвига Халлендора для него значилось в приоритете, и, чтобы соратники вдруг не потеряли нить разговора, Непрощённый заговорил о деле.

– Мы сейчас в Халлендоре, правильно будет разобраться со здешним подвигом в первую очередь. У кого-нибудь есть зацепки? Что такого в краю лесов и деревень может требовать нашего вмешательства? Быть может, чудовище? Я не здешний и пока не знаю о каких-либо громких происшествиях. Помогите мне.

– Бандиты негодяя Тулиса, – сходу выдала Альвия. – Они бич для всех местных. Я спрашивала у самых разговорчивых, и все как один сказали, что за голову Тулиса король обещает целых семьдесят золотых. Это очень много, господа. Можно закупиться всем необходимым на несколько месяцев вперёд. Возьмём корм для лошадей, воды, еды. Мне кажется, что надо начать с Тулиса. Это отличная идея.

Кивнув чаровнице, Равус поддержал её.

– Согласен. Если мы убьём этого ублюдка, нам точно засчитают подвиг. Ну, чего ещё такого есть в Халлендоре? Мой брат? Он конечная цель, а не промежуточная. Нам нужен конкретно Тулис. Остаётся один вопрос: кто станет докладчиком? Нас должны нанять, чтобы мы начали работать. Без официального контракта людей с метками все гонят прочь.

– Быть может, я могу помочь?

Все как один пятеро изгнанников уставились на бритоголового представителя новых гинов, сидевшего у стойки корчмаря. Вооружённый луком и кинжалами, он разглядывал бутылки с алкоголем на высоких полках и слушал диалоги окружающих. То был складной мужчина в доспехах из чёрной кожи талинцевского щитомордника, украшенных перьями ворона и металлическими шипами на наручах. Ими незнакомец почёсывал свою окладистую бороду.

– У вас есть для нас работа, достопочтенный...? – спросил Айнроус в надежде получить имя и заветное «да».

– Зовут меня Марб Дир'Глас – любимый Ворон Тсандера. Так уже вышло я знаю, где ждёт вас необходимый подвиг.

– Знаток, значит...

Громко шваркнув по столу кулаком, Равус заметил, что его новый знакомый никак на это не отреагировал. Маро самозабвенно перебирал бутылки взглядом, думая, выбрать ему полусухое вино или что-нибудь покрепче.

– Воину нужно сохранять светлость разума, но иногда так и хочется забыться ради разнообразия! Вы только гляньте на эту бутылку! Она зовёт меня! Она прекрасна, и один глоток, небось, вскружит мне голову! Как думаете, стоит ли мне взять вон ту с большой красной надписью?

Наконец Дир'Глас повернулся к изгнанникам лицом, и они смогли разглядеть его. Мужественный нос и широкая белоснежная улыбка создавали приятное впечатление. Однако глаза... Было в них, серо-зелёных, нечто неестественное. Казалось, в самой глубине их идёт борьба между сладостным горем и невыносимой радостью. Маро знал об этом...

– Тажок думать, можно взять крепкий напиток, – посоветовал сын Тавгура. – Просто не надо пить весь сразу.

– Вы безусловно правы! Возьму эту бутылку и буду наслаждаться неделю! Корчмарь, будьте добры, дайте большую с красной надписью!

– Самогон? – удивился тот. – Всю сразу не жирно будет? Жена бросила?

– О нет! Что вы, уважаемый...

Искра безумия тотчас загорелась в очах покупателя.

– Я просто очень люблю рисковать. А с хорошим напитком риск слаще во сто крат!

Убрав высокоградусное сокровище в походную сумку, Маро выдвинул стул из-за стойки корчмаря, переставил его поближе к столу изгнанников и занял место рядом с Польшааром.

Ради неожиданного собеседника пятёрке пришлось потесниться.

– Работа, – приступил Дир'Глас. – Я не специально подслушал ваш диалог, и понял, что вам требуется протекция для устранения негодяя Тулиса. Так уж вышло, что я работаю на человека, которому не нравится, что он делает с городом. Вам хорошо заплатят, Польшаар Джуно, Уэйн Айнроус, Тажок сын Тавгура, Альвия Фло'Грат и...

– Равус Вал'Гавсми. Хватит перечислять. На кого ты работаешь и в чём подвох?

– Второй вопрос скорее к моему нанимателю, нежели ко мне. И самое забавное в том, что вы все знаете имя человека, на которого я работаю.

Не выдержав потока слов, избыточных в жизни любой чаровницы, Фло'Грат подскочила с места, и заставила Маро отбросить лишнее:

– Говори уже, ворон! Просто имя и всё!

– Как будет угодно. Мой наниматель – глава Гильдии Улиц графиня Лоналлия Ностромо, – отчеканил он, мигом усадив Альвию на место.

Это имя и вправду знали все жители Халлендора. В отличие от банды Тулиса, членов которой расценивали исключительно как бесчестных подонков, Гильдия Улиц заслужила право стать законной частью Сангерхъема. Она представляла собой тёмную сторону города, где все сомнительные делишки доводят до ума, превращая их в крупницы контролируемой области влияния под руководством знатной семьи Ностромо. Например, наркотик модж приобрёл легальный статус именно благодаря графине. Она наладила поставки, ужесточила схему проверки товара и уладила все недоразумения с Лавгутом. «Старуха», как её называли злые языки, умудрялась подбирать грамотные слова даже в диалоге с самыми непреклонными. Был ли это дар убеждения, или Лоналлия обладала выдающимся интеллектом, вопрос хороший, но в данную минуту не столь важный...

Куда любопытнее реакции Длани Короля на названное имя.

– Бле-е-е-еск, – протянул человек-амфибия. – Я не удивлён, что первый наш подвиг будет связан с честными бандитами. Я даже не удивлён, что они сами нас нашли. Вот тебя это удивляет, Равус?

– Нет. Абсолютно.

– А вас, Альвия и Тагок?

Парочка лишь пожала плечами в ответ.

– Остаёшься только ты, Уэйн.

И Айнроус почувствовал прилив позитивных эмоций, когда очередь дошла до него. Принц смахнул чёлку с глаз, театрально откашлялся в кулак, дабы звучать убедительнее и выдал свою точку зрения:

– Я считаю, что это хорошее начало. И не надо смотреть на меня с выпученными глазами, Польшаар. Я приезжий, но про графиню Ностромо узнать немного успел. Она мудрая женщина и, скорее всего, сможет нам помочь найти Тулиса. У нас ведь всё равно нет других вариантов, и мы не в том положении, чтобы воротить нос. Я за сотрудничество с гильдией.

– Наверное, ты прав... – вздохнул человек-амфибия. – Но есть одна существенная проблема: никто и никогда не видел Тулиса вживую. Он отдаёт приказы через гонцов в письменном виде. Задача по его устранению не из простых. Вы так живенько обсуждали его убийство, что мне даже слово не дали вставить. Потом появился Маро, и я окончательно потерял ход мысли.

– О, господин Джуно, простите, что своим вмешательством сбил вас. Не стоит переживать из-за сложности задания. Моя госпожа предоставит вам все необходимые ресурсы. И если сейчас все вопросы закрыты, то я предлагаю проследовать за мной к конюшне. Ваши лошади готовы к пути.

– Как это – готовы?

Вал’Гавсми подскочил на ноги, а за ним и все остальные.

– Ты знал, что мы будем здесь? Тлеть... Мы оставили наших лошадей недалеко от Краунфара, чтобы не тащить их в район Мельниц. Когда ты успел привести их сюда?

– Я всего лишь исполнитель, о, Избранный Кузней. Все вопросы задавайте госпоже Ностромо. Она ждёт вас в своей прекрасной резиденции на севере Сангерхъема. Недалеко от городского театра, названного в честь бога воровства Джулста.

– Бога воровства и светлой мысли вообще-то, – поправила Альвия.

– Именно так и иначе никак, – подтвердил Дир’Глас. – Идёмте, Длань Короля. Ваш первый подвиг начинается.

Разношёрстная шестёрка выдвинулась в дорогу. Их проводник оседлал своего гнедого коня по имени Лорос и занял позицию в авангарде вместе с Польшааром и Равусом, в то время как Уэйн и Тагок следовали за ними, оглядываясь на Фло’Грат, плетущуюся в хвосте. Чаровница предпочла оставить разговоры мужам, а сама отдалась окружающим пейзажам и наблюдению за людьми. Казалось, дела королевства их совершенно не беспокоили. Дети играли в григоргов и разбойников, задорно гоняясь друг за другом, покуда их родители обсуждали готовку праздничных блюд в честь недели справедливого правителя Лавгута. В такие минуты Альвия отпускала мирские тревоги и забывала о том, что она изгнанница.

Вспоминая догматы удачливой богини, Фло’Грат постоянно напоминала себе, что столь незавидное положение можно исправить, но всякий раз, когда заветная возможность мелькала на горизонте, её уносило прочь ветрами перемен. Теперь, став частью Длани Короля, девушка надеялась на лучший исход, ибо рядом с ней был могучий воин Равус, его напарник и друг Польшаар, прошедший проверку временем товарищ Тагок и бывший принц Тсандера Уэйн Айнроус.

Уж с такими помощниками под боком не справиться с поставленной задачей мог лишь последний глупец или проклятый на несколько поколений вперёд бедолага, случайно вызвавший гнев могущественных носителей волшбы.

Так думал Уэйн, оглядываясь на новообретённую спутницу.

Покидая территории Ветряных Мельниц, он чувствовал, как ароматы свежего хлеба отпускают его, не в силах пересечь границы района. Вопреки всем ожиданиям, они навеивали грусть, аки члены семьи, коих путник бросает на время, отправляясь в долгие странствия,

напоследок пообещав вернуться. Царский сын нашёл в этом чувстве свои прикрасы... Готовый двигаться дальше, он поравнялся с Тагоком, кой занимал седло особо крупной кобылы породы грикеров¹⁴, и, будучи в дороге, где никому нет дела до болтовни по соседству, решил разговаривать приветливого магнира и узнать подробности о нём самом или о его скрытной напарнице.

– Ты не против, если я поспрашиваю? – заговорил Айнроус, скрывая застенчивый взор. – Не люблю долгие молчания и хочу поболтать.

– Тагок тоже не любит молчать. О чём Уэйн хотеть поговорить?

– У меня на уме весьма болезненная тема. Голос улиц наверняка донёс до вас наши истории. Я – Непрощённый собственным отцом, Равус – дезертир, а Польшаар – ильгала-клятвопреступник. В чём ты провинился перед своим народом? Если не секрет...

– Хо-хо-хо! – засмеялся сын Тавгура, и гогот его напоминал треск земли. – Грех Тагок очень простой. Тагок лысый – у Тагока нет волос, а только лысый каменный башка, на который метка. Прямо на макушка.

Здоровяк наклонил голову и продемонстрировал Уэйну клеймо: знак «Джоёк-ла», что на языке магниров значило «Иной».

– И это всё?!

Узнав суть греха Тагока, принц вмиг растерялся и чуть было не упустил поводья.

– О, боги! Неужели такая мелочь способна сделать изгнанником? Может быть, я чего-то не понимаю, но вот нашему новому знакомому Маро лысина, судя по всему, жить не мешает.

– Маро – человек, а Тагок – магнир. У камнекожий народ свой закон. Волос – это знак чести, могущество и сила дух. У каждый магнир очень большой и очень красивый шевелюра. Длинный волос до самый поясница. Такой надобно использовать как оружие в битва. Например, как кнут. Уэйн понимать Тагок?

– Да, я понимаю тебя, друг.

– Вот и хорошо. Но если думать глубокий, то магнир в свой корень очень похож на человек. Люди часто изгонять свой же, когда он не похож на остальной. Никто не любит особенный или отличный. Всем надобно одинаковый и привычный. Когда Тагок не получить волос, он стать отличный от остальной и его прогнать. Теперь Тагок жить сам и помогать людь. Ведь магнир не принимать Тагок.

– Подожди-ка...

Непрощённый помял подбородок, вдумавшись в историю сына Тавгура. Что-то в ней не состыковывалось.

– А когда у магниров появляются волосы? Сколько лет ты в изгнании?

– Тридцать три год.

Услышав столь впечатляющую цифру, Айнроус потерял дар речи. Разинув рот, он смотрел в синие глаза магнира и не верил собственным ушам, ибо не один изгнанник не держался так долго. Отмеченные клеймом либо находили способ его снять, либо погибали в какой-нибудь уличной драке по неосторожности. Первые обладали навыками воина и сноровкой для исполнения какого-нибудь подвига, вторым не повезло уродиться землепашцами.

– Не удивляться, Уэйн. Магнир не представлять интерес для человек. Среди народ новый и старый гин Тагок в полный безопасность. Тагок нельзя возвращать в родной дом, ведь там Тагок никто не ждать. Но Тагок и не хотеть обратный путь. Цель Тагок – помогать Альвия – она очень переживать из-за свой метка. Тагок заботиться об Альвия, как уметь и хотеть снять свой метка только ради Альвия. Чтобы за компания и чтобы поддержать в трудный минута.

– Ты настоящий друг, сын Тавгура. Для меня честь – стоять с тобой в одном ряду.

¹⁴ Грикеры – редкая порода Лошадей. Могучие грикеры, покрытые длинной рыжей шерстью, способны с лёгкостью выдерживать даже магниров.

– Для Тагок тоже. Тагок немного знать о Уэйн и понимать, что отец обойтись с Уэйн не справедливый. Длань Король исправить это.

Вот именно на такую поддержку Айнроус и рассчитывал. Широко улыбнувшись собеседнику, он вновь обернулся и посмотрел на Фло’Грат.

– А что за метка у Альвии?

– Тагок нельзя говорить, потому как Тагок обещать молчать. Когда прийти нужный момент, Альвия сама сказать. Она очень скрытный. Даже Тагок видеть её лицо нечасто. Но Уэйн поверить на слово, что Альвия очень красивый. Глаза Альвия – это только верхушка подводный скала.

– Подводная скала, значит, айсберг?

– Во-о-от! – пробасил магнир, высоко подняв руки над головой. – Тагок выучить новый слово! Спасибо, Уэйн. Тагок его впредь использовать.

– Хах-хах! Не за что, мой друг. Я всегда рад помочь.

На протяжении всего пути сын Тавгура, прозванный Иным, и Непрощённый сын короля Тсандера болтали без умолку. Они быстро нашли общий язык, и, наблюдая за ними, чаровница искренне радовалась. В кои-то веки её добрый напарник мог поговорить с человеком, не обременённым тяжкой печалью каждый миг своего существования. Уэйн дарил тёплые эмоции, и Тагок с радостью делал то же самое.

Под аккомпанемент пары не похожих друг на друга голосов, Длань Короля в сопровождении Дир’Гласа добралась до резиденции Ностромо – двухэтажного особняка, чёрного, как траурное платье. Внимательно рассмотрев его, Избранный Кузней подумал, что попал в городскую мертвецкую. Фасад здания источал погребальный флёр и буквально отталкивал посетителей.

Тем не менее, спешившись, Ворон пригласил их внутрь.

– Прошу за мной, достопочтенные воины и чаровница.

Маро вприпрыжку подбежал ко входу и три раза стукнул по двери кулаком. Открыл её чернобровый мужчина около сорока лет от роду, в белой рубашке с высоким воротником. Он окинул взглядом пятерку гостей за спиной Дир’Гласа, смачно чихнул, после сделал мучительно долгую паузу и, лениво выставив руку перед собой, запросил рукопожатие.

– Я жду, господин Ворон. Ладонь не будет висеть в воздухе слишком долго.

– Полно, Инграм! Я пришёл с хорошими новостями. Впусти же меня.

– Вот это хорошие новости? – спросил воротник, надменно приподняв брови. – Кучка изгнанников? У меня начинается приступ чихания лишь от вашего присутствия, а из-за них я слягу в постель, и мне понадобится лекарь.

– Не преувеличивай...

Маро подвинул Инграма в сторону.

– За мной, Длань Короля! Госпожа Ностромо в это время ужинает. Давайте присоединимся к ней!

По одному они вошли внутрь, не позволив ворчуну у входа молвить даже слово.

Домашняя обстановка во владениях графини источала пары абсолютного достатка и, шагая вслед за Дир’Гласом, герои успели изучить её. Стены покрывали дорогие обои с рисунком в форме лепестков красных роз. Такие нельзя было купить на сангерхьемском рынке или достать у поставщиков из-за границы: эти обои мастера изготовили на заказ, и обошлись они недёшево. Им под стать Лоналлия Ностромо подобрала мебель из тёмного дуба и ковры с изображением герба Халлендора: кленового листа, перечёркнутого копьём и мечом. Дабы сохранять полы в чистоте, прислуги просили гостей снимать обувь, и те без вопросов соглашались.

Даже Равус не стал огрызаться. Напротив, удовольствия от любования местными красотами он получал даже больше, чем остальные. Рассматривая картины на стенах, Вал’Гавсми утвердительно кивал. Каменные бюсты предков Ностромо, выставленные в ряд прямо по коридору в гостиную, заставили его выдать пару приятных прилагательных, а яркое освещение,

грамотно распределённое в каждой комнате особняка, спровоцировало на продолжительный комментарий:

– Вы только посмотрите на это! Превосходный вкус у графини! Вроде кажется, что всего слишком много понапихано, а потом присматриваешься и понимаешь, что в самый раз! На каждом углу уважение к корням и традиционным ценностям. Всё освещено так, чтобы каждый видел!

– Я так и думал, что тебе понравится, – включился ильгала. – Семейные принадлежности дома – это прямо твоё.

– А как иначе? Человек, помнящий заветы предков, обладает внутренним стержнем и надёжностью, столь редкими в наше время. Вот поэтому я и хочу спросить с брата, почему он братается с Браан-ву.

– Такая возможность у вас обязательно появится, – отметил Маро, подмигнув Равусу. – Я и привёл вас к моему нанимателю – достопочтенной графине Лоналлии Ностромо. Прошу господ и даму разделить с ней трапезу за ужином.

Ворон торжественно открыл дверь в гостиную, и перед героями расстелилось неоглядное помещение. Тот зал, полный прикрас, мог вместить десятки посетителей и ещё с лихвой осталось бы места. Освещение обеспечивали хрустальные люстры со свечами из первоклассного воска, полы застилали всё те же ковры с гербами, а на стенах висели посеребрённые нити, своими переплетениями, аки блестящая паутина, создающие картину Сангерхъема – карту города.

За длинным столом, уставленным блюдами на любой вкус, окружённая мельтешащими слугами-подхалимами, в его дальнем конце сидела Ностромо в чёрном платье. Наслаждаясь супом, женщина рода старых гиннов кивнула Маро, дав ему сигнал.

– Не надо стесняться, – подначил он. – Я сяду рядом с графиней, а вы займите ближайшие места слева и справа. Здесь так принято.

Лоналлия знала вкусы своих гостей: Равусу подали жареного ягнёнка с овощами, Польдаару – свиные рёбрышки под ягодным соусом, Тагоку – картофельное пюре с грибами и зеленью, Уэйну – сочные котлеты в кисло-сладком соусе, а деде Фло'Грат – куриный рулет со шпинатом. Мужики приступили к трапезе сразу, а вот их скрытная подруга не решилась снять маску и просто отодвинула тарелку в сторону.

– В чём дело, милочка? – проговорила Ностромо холодным, точно сталь, тоном.

Её ореховые глаза пронзали чаровницу насквозь.

– Ты боишься снять маску?

– Дело не только в моей маске, уважаемая графиня Ностромо, – ответила Альвия, наклонив голову и скрыв взор под капюшоном. – Я не хочу никого оскорбить, но я не голодна. Отдайте мою порцию Тагоку, он с ней легко управится.

– Если понадобится, для Тагока приготовят ещё. Милочка, уважь старую женщину и попробуй еду, когда будешь наедине с собой. Прислуга, унесите тарелку, пожалуйста. Я не хочу захламлять стол лишними приборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.